

АЛЫЙ ПАРУС

Сборник

Стихи и проза учащихся
литературного клуба «Дерзание»

Скифия
Санкт-Петербург
2017

ББК 84 (2Рос=Рус)
УДК 82-822
А55

Издание осуществлено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию
со средствами массовой информации Санкт-Петербурга

Автономная некоммерческая организация
по предоставлению услуг в области культуры и просвещения
«Книжная лавка писателей»

*К 100-летию Великой русской революции
К 80-летию литературного клуба «Дерзание»*

А55 **Алый парус.** Сборник / Сост. Р. Всеволодов. — СПб.:
Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2017. — 112 с.

В сборник вошли произведения учащихся детско-
го литературного клуба «Дерзание», юных авторов
детского литературного журнала «Алый парус» —
лауреатов городского конкурса «Творчество юных»,
городской литературной конференции «Северная
муза», Всероссийской ассамблеи «Адрес детства — Рос-
сия», всероссийской литературной премии «Молодой
Петербург», международного конкурса юных талан-
тов «Звезда Прометея», международного фестиваля
детского литературного творчества, международного
конкурса «Созвездие талантов», международной
премии им. Д. С. Лихачева.

ISBN: 978-5-00025-114-0

© Коллектив авторов, 2017
© Всеволодов Р., составление, 2017
© Издательство «Скифия», оформление, 2017

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может
быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного
разрешения владельцев авторских прав.

Юность — время открытий

Всех авторов данной книги (при разнообразии тем, жанров, стилистических особенностей) роднит возраст. Рассказы и стихи, вошедшие в сборник, написаны теми, кому еще не исполнилось семнадцати лет.

Каждая страница книги — своего рода летопись открытия мира юными, пытливыми, тонко чувствующими дарованиями. Несмотря на возраст, авторы сборника — не новички в литературе. Кроме юных лет, их еще объединяет принадлежность к старейшему детскому литературному клубу «Дерзание», которому именно в этом году исполняется целых 80 лет.

Авторы, чьи произведения опубликованы в этой книге, уже стали лауреатами городских, всероссийских и даже международных конкурсов и премий, публиковались в периодической печати. Все они очень непохожи друг на друга. Но при этом юношеский задор, удивительное равнодушие к миру, искренность чувствуются в каждом произведении. Даже самые печальные тексты сборника (есть здесь и такие) проникнуты глубоким состраданием, деятельным стремлением попытаться исправить очевидную несправедливость хотя бы собственными строчками, или, по крайней мере — громко возвестить о ней.

Юность — пора отчаянной, беззаветной веры в возможность преобразования мира, веры в чудо. И эта вера озаряет всю книгу. А завершает ее эссе замечательного писателя, искреннего друга клуба «Дерзание» Е. В. Лукина. Это эссе, говорящее о тонких гранях волшебства, о необходимости сохранения его первоначальной чистоты, и задает тон всей книге.

*Роман ВСЕВОЛОДОВ,
писатель, руководитель
литературного клуба «Дерзание»*

Полина Шебшаевич

Юность — слово давнее. В каждом времени его значение изменчиво. Где-то на заре появления оно было воздушным, лёгким, наполненным солнечными зайчиками, ароматными яблоками, тайком украденными из соседского сада, ссадинами на коленях, занозами, запахом черничного пирога и холодного молока, ветром, обдувавшим посреди золотящегося колосьями поля, скрипом снега под салазками, луговыми цветами, первой любовью, взглядом украдкой, тайным прикосновением рук, ночными побегами из дому, мечтами о дальних странствиях и корабле с шёлковыми парусами, на котором ты окажешься не меньше чем штурманом, а то и сразу капитаном. Это легкость. Это мечта.

Теперь юность — это попытка казаться старше, это получать новую информацию 24 часа в сутки, строить планы на будущее, впервые почувствовать скорость, повысить голос, танцевать не сдерживая эмоции, быть лучше других. Это вкус кофе, рок-н-ролл, металл, ремикс. Это рассветы вдвоём на пустынных улицах, горящие фонари, неон, быстрые электрички, новые стили, социальные сети, книги, тетради, впе-

чатления. Когда можешь и пять, и шесть часов стирать кеды о влажный асфальт, лишь бы не разнимать рук, нестись вперёд сломя голову, не зная своей цели, лишь бы не останавливаться. Стремление к свободе, молчаливый, а может, напротив, громкий протест.

Юность — это ритм. Это цвет. Это рывок.

Но есть то, что останется навсегда. Вера в чудо, тёплые мамины объятия, зажатый в ладони цветок, желание жить, умение искренне смеяться, обостренные чувства, крепкая дружба, вечный поиск себя.

Становление собой.

Юность — яркий, стремительный миг, растянутый на года.

* * *

Яркой солнечной паутиной
Пали волосы на лицо,
На дорогах гудят машины,
Тень укутывает крыльцо,
Пахнет молотым свежим кофе,
Тертым яблоком, молоком.
Ты, не веруя в катастрофы,
Ходишь по полу босиком,
Я сижу в пропыленном кресле,
Вместо утренней суеты,
Размышляю об этом месте,
Где реальны лишь я и ты.

Солнце ласковыми лучами
Проникает за легкость штор,
И в его золотом сияньи
Пыль танцует и прочий сор.
На шкафу дрыхнет кот-мурлыка,
На полу дремлет пес-дружок,
Сквозь слепое стекло бутылки
Виден сладкий вишневый сок.
Это утро спокойно, тихо,
В нем есть сливочно-нежный вкус,
Но ветра завывают лихо,
Учащается общий пульс.
Не привыкли сидеть в застенках,
Мы — свобода, лишь я и ты.
Это — сладкая дрожь в коленках,
От пугающей высоты.

Анастасия Дягтерева

На краю моря

Скажи мне, что тянет девчонок к кромке сизого моря в непогоду? Что заставляет их прыгать с одного скользкого, гранитно-тёмного камня на другой? Какая невидимая пружина толкает их к мокро-неприветливому пляжу, к холодной, неприятной воде?

Спросишь их, и не ответят же, глупые, гонимые неясным чувством.

Они не знают, они только предчувствуют Большую Силу. Чувствуют вибрации огромного живого существа. Они смотрят на плечи, лопатки, спину раздраженного божества, их как удавы кроликов завораживают его свинцовые глаза. Девчонки смотрят на играющую мускулатуру волн, почти теряют волю, объятые ощущением пульсирующей вседозволенности, безграничной мощи, опьянённые свежим, пробирающим до самого затылка морским дыханием.

Представь, ты стоишь на набережной, не на пляже уже, а на обычной гранитной набережной своей знакомой, усталой от рутинных дел реки. Смотришь вниз. Боишься ли ты упасть?

Какие чувства вызывает в тебе перспектива вымокнуть, простыть, наглотаться не слишком чистой воды или даже захлебнуться?

Прислушайся к себе.

Ты не боишься упасть.

Ты боишься, что прыгнешь. Сам.

Я? Не боюсь. Я могу повернуться спиной, сесть на бордюр, болтать ногами. Просто я знаю, что, если решусь прыгнуть — я прыгну. Сама, и это не будет неожиданностью. Просто если мне захочется — я прыгну.

Скажи мне, что заставляет девчонок влюбляться? Что побуждает их расставаться с собой, со своим покоем, со своей гордостью, самоуважением? Какая химия? Какая магия?

Какую силу чувствуют они? Отчего расцветает румянец на их щеках, отчего тенеподобные девушки на тонких ногах-палочках становятся осязаемыми, как мимика и жесты актёров? Отчего неуклюжие, несуразные становятся женственными и мягкими?

Как за спиной вырастают крылья, стянутые лентами и спрятанные в рюкзаки за девичьими спинами? Спрятанные до поры, когда Он, тот самый, откроет их, их душу и сердце любви.

Я стою у самой воды, закончился дождь, ясная даль расстилается передо мной. Я вглядываюсь в ту призрачную линию, где заканчивается море и начинается небо, чёткость её размывает

дрожащая турмалиновая дымка. Я чувствую ветер. Чувствую его влажное дыхание, похожее на лёгкий смех. Я чувствую море.

Босыми пальцами трогаю нервную кромку воды, пульсирующую прибоем. Прилив. Вода холоднее, и к тому же смешалась с дождевой. Капли пролетели немалое расстояние прежде, чем слиться и стать частью большего, лучшего, более совершенного. Прежде чем приумножить красоту и силу неисчерпаемой стихии.

Небо светлеет, светлеет и морская гладь, становящаяся бледно васильковой, топазной, зеркальной и заполняющей всё моё существо.

Я не стану прыгать по камням. Я пройду вдоль песчаной косы ровным, спокойным шагом, уверенно, не пугаясь холодной воды.

Она коснётся моих ног, вымочит и отяжелит мою одежду, хоть в толще её этого не почувствовать.

Она распутает мои волосы, сделает их шелковистыми, русалочьими, успокоит меня, залечит раны, смочит обиды. Сделает то, что сделал бы ты.

Я иду, ни капли не сомневаясь.

Я иду к тебе.

Чтоб стать частью тебя.

Дарья Слободенюк

* * *

Я выпал из детства. В малиновых брюках,
Измятой рубашке и жёлтых очках.
И комнатой стала большая каюта,
Где карты висят на рыбацких крючках.
Причудливым пазлом рассыпалось море,
А чаичьи крики — лишь визг комаров.
Я выпал из детства — ужасное горе.
Я жил на фрегате из сна праотцов.
Огрызки от яблок, потрёпанный кортик.
И запах солёной, чуть горькой воды.
Я выйду на палубу, свешусь за бортик —
Пора повзрослеть, чтоб не вышло беды.
А там, за бортом, кто-то бродит по лужам,
Идёт на работу, учёбу, домой
И нет ничего для меня в мире хуже,
Чем стать вот таким же, смешаться с толпой.
Но может быть где-то в асфальтовых сушах
Живут и такие как я, моряки?
И море шумит в их просоленных душах,
А вёсла лишь ждут новой бурной реки?
Тогда я найду их! Даю себе слово!
Мы с ними ещё пропоём «Йо-хо-хо!»
И вышлем с запиской бутылку от рома
Для тех, кто как мы, но ещё далеко.

Анастасия Гуляева

Саша

Это был ужасный день. Самый ужасный день.

В моей голове, как надоедливая и сжирающая все остальные мысли саранча, крутились фразы: «Я не хочу с тобой больше разговаривать! Не хочу и не буду!», «Знаешь... эмм... Мне кажется, что нам лучше остаться друзьями, как думаешь?», «Два! Это уже пятая двойка по физике! Ещё одна и я вызову твоих родителей!», «Не кричи на него! Это ты! Ты виноват, а не он!», «Ненавижу тебя! Терпеть не могу!», «Да ты же урод!», «Это всё ты! Ты! Ты!»

Шаг. Ненавижу! Шаг. Урод! Шаг. Два! Шаг.

Каждое движение стреляет в сердце и болью разливается по всему организму.

Как же плохо...

Скрип снега чередуется с всхлипыванием грязи.

Мой любимый Питер! Только здесь могут сплетаться все оттенки погоды.

Саркастическая, даже злая улыбка расплывается по моему лицу.

С крыши прямо на кончик носа упала капля.
В любой другой день это бы меня непременно

рассмешило, но не сейчас. Я могу сколько угодно шутить, смеяться, улыбаться, но это не поможет, никогда не помогало и сейчас не поможет.

Вздыхнув, поворачиваю в подворотню, морщусь и прислоняюсь к стене от неожиданной боли в голове и рези в глазах.

Раздается смех.

Конечно, когда кому-то плохо, всем остальным весело. Как же иначе...

— Иван Иванович, какая честь!

Какой ещё Иван Иваныч?

Боль отступает, и я открываю глаза, прищуриваясь. Яркий свет слепит, стены давят, становится очень жарко.

— Здравствуйте, здравствуйте! Сергей Львович! Надежда Осиповна! Давненько не виделись... А это кто?..

Я перевожу взгляд вслед за мужичком с изрядной плешиной в волосах, дабы сконцентрировать внимание хоть на чем-нибудь. В центре обзора появляется маленький немного нескладный мальчик с прилизанными кучерявыми волосами в чистом коричневом, великоватом ему костюме.

— Ооо... какой арабчик!

Мне стало неприятно, и я моментально проникся неприязнью к этому старикашке. Да, мальчик — не ангелок, но нельзя же так с ребёнком. Родители неуверенно переглянулись, а вот сам мальчик не растерялся.

— Да, — кивнул он. — Зато не рябчик!

Я взглянул на безобразно перекошенное рябое лицо Ивана Ивановича и расхохотался.

Смех разбил картинку, и я снова оказался в сырой промозглой подворотне.

Что это было?

Не смотря на головокружение, делаю два шага вперёд, чтобы тут же увязнуть в снегу и осознать, что питерская зима — это не зима, а дешёвая пародия. За снежными горами виднеется пограничный пост, а слева ко мне подкрадываются два парня, придерживая за поводья коней.

— Мне это не нравится, может, вернёмся обратно в лицей? — шепчет один.

— Не беспокойся! — успокаивает второй, задорно улыбаясь.

— Если Трико нас поймает, то...

— Не поймает. Я все придумал, — он нагнулся к уху товарища, что-то прошептал, продублировал улыбку на его лицо и, вскочив на коня, подъехал к заставе.

С интересом выглянул из-за горы, а потом, когда убедился, что меня никто не видит, подбежал поближе к центру событий.

— Как вас зовут? — поинтересовался усатый пограничник, распахивая тетрадь.

— Александр Однако, — пожал плечами парень. Заставный кивнул и, сделав запись, пропустил Александра.

Александр... Фамилия точно не его, но... Такое знакомое лицо. Точно не раз его где-то видел. Только где?

Через несколько минут, когда я успел сосчитать все сосульки на крыше пограничного домика, подъехал второй парень.

— Как вас зовут?

— Григорий Двако!

Мужчина заломил бровь и с сомнением покачал головой, но записал фамилию и открыл проезд.

Что-то мне подсказывает, что...

К заставе примчался запыхавшийся и покрасневшийся мужчина.

— Ваша фамилия?

— Трико.

У пограничника сдали нервы.

— Врёшь! — закричал он, а я улыбнулся. — Здесь явно что-то не то! Один за другим — Однако, Два-ко, Три-ко! Шалишь, брат, ступай в караулку!

Мужчина хотел возразить, но подбежали стражники.

— Ничего, посидишь в каморке, разучишься смеяться.

Проходя мимо меня под конвоем, мужчина рычит.

— Ну, Пушкин, ты у меня ещё попляшешь...

Пушкин? Тот самый?

С этими мыслями я упал в лужу, в свою родную лужу, в родной подворотне. Не замечая холода и грязи, я думал.

Неужели, я вправду видел самого Пушкина? Но зачем? К чему все это? И главное, как? Я сошёл с ума? Допустим. Но в жизни никогда и ничего не бывает просто так. Анализируем. В первый раз попытались поиздеваться над его внешностью, он посмеялся, во второй раз

ему, как я понял, надоела школа, он сбежал и посмеялся над тем, кто попытался его остановить. И что из этого следует? Смех преодолевает любые проблемы?

Извините, я, конечно, уважаю вас, Александр Сергеевич, и очень люблю ваше творчество, но я не согласен, категорически. Да, может, когда-то в детстве, юмор и помогал, но я бы с удовольствием послушал его шуточки, если бы он оказался в классе, где его все ненавидят.

И видимо Бог, или кто там отвечает за эту карусель, услышал меня и калейдоскоп шатнулся, подбрасывая другую картинку.

Тишина. Это первое, что пришло мне в голову, когда я оказался в плохо освещённом помещении. Посреди стоял большой стол, за которым сидели люди, один стоял рядом со столом, все смотрели в одну сторону, на молодого человека, которого здесь явно никто не думал увидеть.

Вот! Это Пушкин! Теперь я его узнаю.

Ненависть. Это второе, что почувствовалось. — Александр! Как мы рады вас видеть! — привстал один из мужчин, явно не умеющий врать. — А мы как раз начали читать стихи. Присаживайтесь.

Зависть. Однозначно, все это из-за зависти.

— Послание к поэту, — провозгласил молодой человек, наблюдая как Пушкин проходит и садится за стол.

— Дарю поэта я ослиной головою...

Уловив намёк, Александр бесцеремонно перебивает автора.

— А сам останешься с какою?

Парень несколько ступевался.

— А я останусь со своею.

— Да вы сейчас дарили ей!

У меня из груди вырвался смешок, я покачал головой, помещение смазалось перед глазами, и опять возникла стенка из красного кирпича.

Понял, осознал, каюсь. Юмор может сражаться с ненавистью, но... может ли он помочь в любви?

И стоило мне об этом подумать, как я поскользнулся, но не на льду, а на мраморе.

Огромный зал. Обилие света и наличие на всех присутствующих дорогих нарядов подсказывает мне, что это один из знаменитых балов, на которых так любил блистать Пушкин.

Быстро нахожу среди гостей Александра Сергеевича, который в свою очередь не сводит взгляда с одной очаровательной особы, которая и не думала смотреть в сторону поэта, и без этого более симпатичных поклонников вдоволь. Но хитрая улыбка Пушкина свидетельствует о том, что он не привык сдаваться. Когда девушка проходит мимо него, он как бы невзначай роняет своему другу.

— Я восхищен, я очарован, короче — я огончарован!

Наталья стремительно разворачивается, и Пушкин достаточно правдоподобно краснеет, будто только что её увидел. Девушка мило улыбается и проходит мимо, но по ней видно, что она ещё вернется.

Значит, вот как нужно это делать...

— Хорошо... — выдохнул я, делая узоры в грязи.

Обаяния ему, конечно, не занимать, особенно когда он улыбается и смеется. Помню, как читал воспоминания о Пушкине, так вот Брюллов сказал: «Какой Пушкин счастливец! Так смеется, что словно кишки видны».

Ладно, с любовью, ненавистью, школой, красотой, с этим всем разобрались, но вряд ли Александр Сергеевич может мне предоставить пример из своей жизни, когда его уверяли, что он делает то, что хочет вопреки всеобщему мнению. Мне, например, сегодня три раза кинули в лицо «идиот» и шесть раз сказали «ненавижу» только из-за того, что я сделал татуировку. «Это же на всю жизнь!», «От этого уже не избавишься!»

Я прикрыл глаза.

Чтобы они понимали...

— Тебе пора перестать играть в карты.

Распахнул глаза, чтобы узреть всё тот же бальный зал и все того же Александра Сергеевича, только в другом костюме и в другой компании.

— Игра тебя портит!

— Напротив, Ваше Величество, — это император? — Карты спасают меня от хандры.

— Но что же после этого твоя поэзия?

— Она служит мне средством к уплате моих карточных долгов, Ваше Величество.

Остряк.

Рука погрузилась в снег.

Но нельзя же всерьез сравнивать себя с ним! Это же Пушкин! Его все равно любило больше людей, чем ненавидело. И он все что мог делал правильно, а я нет. Я всё, что мог, испортил. И уже ничего нельзя исправить. Есть только один выход из всего этого...

Запах. Я снова понял, что переместился, когда мне в нос пробрался ужасающий тошнотворный запах. Запах смерти.

Только не это. Видеть смерть Пушкина я точно не настроен, его дуэль с Дантесом — может, но не смерть, однако, не смотря на явное нежелание лицезреть это, глаза распахнулись и жадно впитывали в себя каждую мелкую деталь, чтобы тут же выкинуть её из памяти, потому что каждую деталь пронизывал призрак смерти. Ужас.

Возле кровати с лежащим бледным покрывшимся испариной Александром Сергеевичем сидел незнакомый мужчина с пером и бумагой.

— Я... — до ушей дополз еле слышный голос умирающего. — прошу прощения за нарушение запрета на дуэли и жду царского слова, чтобы умереть спокойно...

Дослушать мне не дали, а быстро и бесповоротно выкинули, но не в тот злополучный переулочек, а на крышу одной из многоэтажек.

Кто-то решил подстрекать всем моим желаниям...

Но я передумал. Я понял, что хотел мне сказать Пушкин последним кадром из своей жиз-

ни. Пока ты не умер, ещё все можно исправить, пока ты не умер, нет ничего невозможного...

Я сидел на крыше и наблюдал за рассветом, изредка поглядывая на свою левую руку, где красовалось имя моей девушки, которую я обязательно верну, и имя моего друга, которого я уже никогда не потеряю.

Саша.

А, Лилу и я

Вечер был чересчур сладким. Что было тому виной в большей степени — три ложки сахара в кофе, которым я тщетно пыталась приглушить вкус яблочного суфле...

На заметку — никогда больше не есть яблочное суфле.

...или приторные речи торшерообразного лысого льстеца с вечно выключенной лампочкой, или же нашествие детей с мордочками, измазанными мороженым, запломбированным лимонадом и сахарной ватой? Не знаю, да это и не важно! В любом случае, я настолько пропиталась сахаром, что даже чувствовала, как ветер прилипает к коже, и видела облизывающихся на меня мух, а потому, когда меня похитили, я в большей степени обрадовалась, чем испугалась.

По-моему, страх появился в моей картотеке чувств только тогда, когда некто снял мешок, накинутый мне на голову. Хорошо хоть мешок,

а не пакет, иначе бы я давно задохнулась и не смогла бы посмотреть в глаза — остальные части лица скрывались за маской — моему похитителю и плюнуть в его наглую рожу. Последнее пришлось отложить, и не из-за наличия маски, которая вряд ли бы передала всю гамму моих эмоций, а из-за того, что я увидела... металлический стол для допросов, шатающуюся лампочку, издающую фоновые звуки для фильма ужасов, и обшарпанные стены, хранящие крики и кровь предыдущих допрашиваемых... хотелось бы написать мне, но, увы (увы?.. Я разве не должна кричать «ура»? Странный я человек...), перед моим взором красовалась довольно уютная, выполненная в жёлтых тонах и обставленная мебелью из ИКЕА кухня.

Похитительница (хотя, можно было бы предположить, что человек додумавшийся украсть другого человека может быть психически неуравновешенным и носить юбку, будучи особью мужского пола, но зная, что в жизни всё намного обыденнее, даже если дело касается похищения, смею предположить, что передо мной всё-таки девушка) стояла, постукивая ногой по керамической плитке, и перекладывала из одной руки в другую сковородку. И ладно бы тефлоновую, так нет же — бабушкину, чугунную. Именно этот факт заставил меня слегка напрячься и попытаться пальцами связанных рук отыскать что-то мало-мальски полезное в складках дивана. Мною были обнаружены фантик, три черен-

ка от яблока, один огрызок и стержень от ручки, предположительно пустой.

На заметку — проверить складки своего дивана, вдруг там миллион другой завалился.

Мда... Похоже, из оружия у меня только зубы и язык. Последним я не преминула воспользоваться в мирных целях. Пока.

— Кто ты?

— А. — Сказала она, поудобнее перехватив сковородку левой рукой.

— А? В смысле?

— В прямом, — отрезала девушка. — Ты что думала, я тебе сразу фамилию, имя, отчество и номер паспорта скажу? Может тебе ещё код от сейфа, где печенье лежат?!

Последний пассаж окончательно сбил меня с толку, зато страх ушел, его место заняло любопытство, которое принудило внимательность проанализировать окружающее пространство на наличие вещей, которые могут помочь понять психологию моего похитителя, а лучше узнать причину, по которой я здесь оказалась.

Так-так-так... Что же может сойти за подсказку?

Банка чая, покрытая пылью? Вряд ли мне как-то поможет тот факт, что мой похититель не любит зелёный чай и уборку — у нас половина страны таких. А вот ваза с цветами, выглядывающая из картины, говорит о многом, так как является пазлом, состоящим из нескольких тысяч кусочков. Это значит, что она скрупулезная и очень терпеливая, то есть информацию из

меня будут выпытывать долго и со вкусом. Ещё бы знать, какого рода информация ей нужна... Стоп. А это что? Неужели... Воспользовавшись тем, что девушка отвлеклась на комариху, укусившую её за нос, и отскочила вправо, одновременно замахиваясь сковородкой, я слегка приподнялась, чтобы разглядеть обложку, лежащей перед телевизором книги. И тут мне всё стало ясно.

— Ты хочешь узнать, кого выбрала Лилу.

Девушка подавилась вздохом и уронила сковородку, к сожалению, не на ногу — на пол, а точнее, на непонятно, что делавшую там виноградину. Но А, будто не заметив этого, присела на табуретку и, закинув ногу на ногу, вздёрнула подбородок.

— Да.

Боже... Как они меня достали... они забрасывали письмами мою электронную почту, они вынудили меня познакомиться с нашим домашним почтальоном, который из-за регулярно ломающегося почтового ящика, вручал мне письма лично, они поджидали в моём любимом кафе, лишая меня тем самым аппетита, и даже преследовали от дома до работы и обратно, но ещё никто не додумывался меня похитить только ради того, чтобы узнать, кого выбрала моя самая неудачная книжная героиня.

— Развяжи меня.

Не знаю, что сработало — усталость и обречённость в моем голосе, клятва, которую она с меня взяла или же договор о том, что я не по-

звоню/напишу/пойду/побегу/поеду/полечу/поползу... (и ещё миллион синонимов... Вот... дотошная! Я настолько зла, что даже восхищаюсь!) в полицию (так просто? С чего бы это? Есть же ещё прокуратура, суд. К тому же не стоит отбрасывать возможность, что полицию снова переименуют в милицию!) а она отпустит меня сразу после того, как я отвечу на все интересные её вопросы. Уф... Хорошо, что у этого договора нет юридической силы, а то... А то что? Я бы всё равно никому ничего не рассказала — нужна мне эта шумиха. Главное, что я уйду отсюда целой и невредимой. И в конце концов, никто не просил меня отвечать на вопросы честно.

На заметку — держаться подальше от людей, собирающих пазлы.

— Ну давай, мисс А... (Анастасия, Алёна, Алина, Алиса, Аня, Агафья, Антонина... А если это не первая, а последняя буква имени? Или фамилии? Или просто первая буква, которая прилетела в её неразумную голову?) Задавай свои (никчёмные, неоригинальные, давно прописавшиеся у меня в печёнках) вопросы! — протянула я, скрестив ноющие в районе запястий руки на груди.

И чего я точно не ожидала, так это того, что она станет пересказывать мне содержание моей же книги, да притом с такими подробностями, которые мне доселе были не известны, о некоторых я в процессе написания даже не думала.

— В начале был Пролог...

Да простит Господи её бедную неразумную душу за эту отсылку.

— Лилу сидела у окна, пила любимым чай Джеймса, ела печенье, которое так нравилось Нику и...

Чего?!!

— Насколько я помню, — рискнула я перебить. — Это были самое обычное печенье и ещё более обычный чай.

Она посмотрела на меня как на больную.

— Нет, это были любимое печенье Ника и не менее любимый чай Джеймса.

Вот откуда в её голове этот?..

— Откуда ты это взяла? Там что, так и написано «любимый чай Джеймса»?

Я же такое не писала, да? Если честно, то не помню — это давно было, но я ведь не дура!

— Нет, но это подразумевалось.

— Кем?

Клянусь — мне интересно. Нет, даже не так — я жажду узнать кто же тот человек, что вложил какой-то смысл в мою книгу! К сожалению, моя жажда так и осталась неутоленной.

— Контекстом, — пожала плечами самая внимательная читательница в мире. — Или подтекстом...

Именно после этих слов я поняла — любые попытки объяснить, что я на самом деле имела в виду, бессмысленны. До неё я не достучусь.

Эх... Чувствую, я здесь надолго...

— Допив чай, Лилу выбежала из дома и села в автобус «точно зная, что едет к человеку, ко-

торого любит больше всех на свете». И всё. На этом пролог заканчивается.

Кушать хочется...

— В первой главе она встречает Джеймса, но уже во второй знакомится с Ником. В третьей главе опять сталкивается с Джеймсом, в четвертой падает прямо на Ника. В пятой главе Лилу ужинает с Джеймсом, чтобы в шестой позавтракать с Ником...

Она продолжала и продолжала, вызывала головокружение и продолжала, осипала но продолжала... всё тише и тише, но быстрее и быстрее.

Благо, к тому моменту, когда меня начало подташнивать, она добралась до двадцать седьмой главы.

— Где парни наконец-то узнают о существовании друг друга и встречаются с Лилу, чтобы вынудить её сделать выбор.

— Вынудить? Хороший синоним к слову «умоляли»... — этот мой комментарий, как и многие другие остался без внимания.

— Начался эпилог. И ладно, пофиг, что он начался так же как пролог, это можно понять и даже простить. Но то, что он и закончился как пролог... вот этого я вам никогда не прощу! Столько страниц...

439.

— Столько часов...

3-3,5, ну 4 — максимум.

— Столько слез...

Ооо... ведра два — не меньше!

— И всё ради чего? Ради того, чтобы в конце концов опять прочитать, что она «едет к человеку, которого любит больше всего на свете»? И всё? Это по-вашему нормально?

Пожав плечами, я наконец-то попыталась оправдаться.

— Я просто не хотела никого обидеть. В любом случае меня бы возненавидели либо те, кто был за Джеймса, либо те, кто был за Ника. Я же пыталась избежать конфликта. Я хотела, как лучше.

— Лучше? — она усмехнулась и покачала головой. — Неизвестность — самая худшая из пыток. Именно поэтому вас теперь ненавидят все. И первые, и вторые, и даже третьи — те, кому изо дня в день приходится выслушивать «Ну она же сделала правильный выбор, да? Не предпочла же она Ему это... недоразумение?» Х-х... — она выдохнула, сложила руки в замок и слегка прищурилась. — А теперь ты скажешь мне то, ради чего мы здесь собрались

Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...

— Кто в конечном счете покорило сердце Лилу?

— Знаешь, вопрос скорее в том сердце ли? Мне всё-таки кажется, что мозг играет в любви гораздо большую роль, чем нам кажется...

— Ник или Джеймс?

— А кто тебе больше нравится? — очередной маневр не удался, она лишь больше разозлилась.

— Я здесь не шутки шучу, а вполне серьезно спрашиваю. Кого она выбрала? — и по её глазам я прочитала, что если ответ не будет получен, то меня начнут пытаться. Недолго, но с особой жестокостью.

— Хорошо, я скажу! Но ты сама напросилась! Она выбрала... — я выдохнула и ненадолго замерла, давая ей возможность достигнуть пика любопытства. — Никого.

Девушка, приблизившаяся ко мне максимально близко, широко распахнула глаза и нахмурила брови.

— Издеваешься, да?

— Нет!

— И как же ты тогда объяснишь фразу «едет к человеку, которого любит больше всего на свете»?

— Я имела ввиду маму.

Она презрительно улыбнулась. (по отношению ко мне, конечно, уж точно не к маме, пусть и вымышленной), но улыбка её тут же пропала.

— Ты серьезно?

— Да, — пожала плечами я. — Лилу запуталась и решила съездить к маме, чтобы отдохнуть и, посоветовавшись с ней, во всем разобраться.

— Но как же... как же так? — моя похитительница растерялась. Казалось, из её глаз вот-вот польются слезы. На мгновение мне даже стало жаль её, но я сдержалась, и она тоже сдержалась, чтобы снова завести свою шарманку. — Неужели, всё было зря? А как же Джеймс? А Ник? А печеньё?

— Да что ты пристала-то к этому печенью?

— А?..

— А твою приязнь к чаю я вообще не понимаю! Ладно бы, если он был без сахара, тогда ещё можно было бы подкопаться! Но искать философское дно в чашке чая с сахаром — верх глупости!

— Слова «приязнь» нету, — обиженно проворчала она.

— Слова «нету» тоже, однако это не мешает тебе его употреблять!

Наши взгляды скрестились в недолгой борьбе, из которой я вышла победителем. Правда, своей победе я порадоваться не успела. Дорогая (не дорогая, но уже оставившая след на одной из моих почек) А никак не могла угомониться.

— Но Лилу бы доехала до мамы, поговорила, отдохнула и сделала бы выбор, — размышляла она, бегая глазами по обоям. — Почему вы не закончили историю? Потому что всё, что ты сейчас сказала — это бред, да? — скривилась девушка.

— Нет.

— Тогда скажи, почему ты не дописала! — она приподнялась на локтях, давя на меня и морально, и физически одновременно.

— Потому что я...

— Честно!

— Потому что она умерла! — этого девушка точно не ожидала. — Автобус на полпути столкнулся с камазом. Шесть человек погибли, в том числе и Лилу.

У А даже не осталось сил на то, чтобы выдавить из себя очередное «но». Рот открывался и закрывался, будто забыв о том, что его функции не ограничиваются только поглощением воздуха и еды.

Эх, если бы знала, что лишит её дара речи настолько легко, сказала бы это ещё минут пятнадцать назад.

— Ну что ж... — вымолвила она через несколько минут, а я еле сдержалась, чтобы не улыбнуться. Все, она наконец-то решила меня опустить. — Пусть будет так, — она тяжело выдохнула...

Не нравится мне это.

...встала и, немного растеряно обернувшись, отодвинула картину, за которой оказался... сейф! Ага, тот самый, в котором печеньки лежат, причем те самые, которые у Ника любимые.

Даже не буду спрашивать, по каким признакам она выбрала именно эти среди сотен других, тем более, что в сейф она полезла не за печеньем, а за бутылкой шампанского с бокалами.

— Любимое шампанское Лилу.

Я даже не сомневалась.

— Помянем?

И вправду, почему бы не помянуть книжную героиню её любимым шампанским? На халяву ведь.

Мы молча подождали пока уляжется пена и, кивнув друг другу, стали поглощать содержимое бокалов. Она, еле сдерживая слезы, а я, пряча ехидную улыбку.

Какие мы наивные... Думаешь, чуть поднажала и я сразу всё выдала?

Да я таких как ты на неделе по десять раз вижу. И Лилу у меня уже и открывала в себе талант факира и уезжала за границу, и сбегала за ту же границу с тайным любовником по переписке, и даже оказывалась наемной убийцей. И пока я кормлю чересчур дотошных читателей этими небылицами, моя тайна покоится в целостности и сохранности...

Да конечно же она выбрала Джеймса! Я ведь так люблю черный чай с сахаром...

Ольга Коромысличенко

«сНежное»

Спокойный февраль: накрывает зеленым небом
И ветер не в уши, не в драповый воротник;
И даже чернила стоят запечатанные и в этом
Своя беззаветность. Свой обреченный крик.

Есть время подумать, забыть холода и ночи,
Такие немые и душные в декабре,
Сквозь раму окна виднеются псевдопочки
(Ведь хочется верить в звенящий весенний бред).

А скоро апрель возвестит о далеких птицах,
А скоро придут огромные корабли,
А скоро, возможно, получится возвратиться
С небес февраля в эту мокрую соль земли.

В граненом стакане на доньшке черный чай
Еще до восхода вспыхивает востоком.
До скоро, снежность, пиши, поминай, скучай...

Зеленая твердь
наливается кислым соком.

Елизавета Кнохинова

Бесчувственность

Он взошел на сцену, робко оглядел зал, поверх своих больших, толстых очков, огладил бока и, улыбаясь, начал:

— Меня зовут Владимир Владимирович.

С задних рядов послышался сдавленный смешок, он рассеяно оглядел аудиторию, и, выдохнув, продолжил:

— Ваш директор, Светлана Евгеньевна пригласила меня, чтобы я рассказал о своем друге, невероятно интересном человеке, первом космонавте, Юрии Алексеевиче Гагарине...

Зал неодобрительно зашелестел. Впереди меня парни из параллельного класса на «раз-два-три» протянули «у». Наши же мальчишки сидели молча, уткнувшись в телефоны, то и дело они поднимали головы, но не находя для себя ничего занимательного, снова погружались в свои игрушки. Издалека раздавалась музыка, у кого-то слишком громко работали наушники.

К Владимиру Владимировичу поднялась завуч, откашлявшись, она громко, на весь зал произнесла:

— Ребята, это очень интересно!

Владимир Владимирович суетливо закивал, и потянулся к микрофону, но как только его пальцы коснулись ручки, как на весь зал разразился резкий, пищащий звук, от неожиданности микрофон выпал и с шипением, замер на полу. По залу пронеслась волна негодования, до ушей Владимира Владимировича, наверное, долетели ругательства...

— Послушайте, пожалуйста, — выразительно произнесла завуч, и начала спускаться со сцены, — Владимиру Владимировичу есть о чем рассказать.

Тогда он и вправду начал рассказывать, поднял с пола микрофон, с интересом и добродушной улыбкой принялся повествовать о своем другом, проводил параллели о том, какой он был на работе, и какой он был дома, в дружеской, семейной обстановке.

— Знаете, бывало, я останавливался у него на ночлег, — жадно рассказывал он, обхватив микрофон обеими руками, — Мы с ним спали в одной комнате, на кроватях, знаете, таких — двухъярусных, он спал сверху, а я снизу. И вдруг, — на этих словах лицо его, морщинистое и пожилое обрело нотки какой-то хитрости, — Сплю я ночью, да? Сплю, и слышу грохот страшный! Вскакиваю: что, где? — он активно жестикулировал, — А это Гагарин, отжимается, представляете? На полу, в чем был, в майке такой, как сейчас помню, белой, длинной.... Ну, я у него и спросил, чего это он? Шесть утра, не позже. На

что он отвечает: «Да это у меня зарядка, нельзя форму терять, я же космонавт! А ты спи, спи, дружище...»

На этих словах он сделал паузу, словно лелея свои воспоминания. По лицу его до самых ушей разъехалась улыбка...

— Или еще был случай, с фотографиями...

Еще около получаса он рассказывал разные истории из жизни Гагарина, при чем, с такой неподдельной искренностью в глазах, словах, жестах...

Все бы хорошо, вот только никто его не слушал, все были заняты своими делами, кто чем.

Наконец, Владимир Владимирович, усталый и опустошенный подвел итог, и сказал, что все, больше ему нечего рассказать нам. Послышались облегченные вздохи.

— Есть какие-нибудь вопросы? — с надеждой обратился он к слушателям, обводя взглядом зал.

Ребята уныло подняли глаза и тупо уставились на сцену. Тогда я вскинула руку, и на ходу сочинила вопрос, что-то про семью Юрия Алексеевича.

Он обрадовался, и начал живо объяснять мне, в подробностях сначала про маму Гагарина, потом про его отца... Я, не мигая, слушала и кивала на каждое слово, чувствуя затылком, как зло на меня таращатся мои одноклассники: я задерживаю их.

Ответ я получила. Он спросил:

— Еще какие-нибудь вопросы?

И снова тишина...

— Насть, — толкнула соседку я, — Задай вопрос!

— Что? — непонимающе переспрашивает она, — Зачем?

— Ну, пожалуйста! Спроси его: были ли у Гагарина друзья детства, и если да, то какие...

— Больше ничего? — огорченно спрашивает Владимир Владимирович, немного опуская брови.

— Настя, мне очень надо!

— Я не буду ничего спрашивать, — наотрез отказалась она, — Мне это не интересно.

— Ради меня!

— Нет.

— Я так понимаю, это все... — снова проговорил Владимир Владимирович, уже ни на что не надеясь.

— Нет, еще один вопрос, — бодро поднимаю руку я, — Скажите, каких друзей детства Гагарина вы знаете?

На меня шикнули. Владимир Владимирович уже не так радостно как раньше принялся рассказывать.

— Евгений Дербенков, — начал он.

— Ты чего, — спросила меня на ухо Настя. Я лишь отмахнулась.

— Теперь, наверное, точно все, — сожалением закончил он, глаза его, такие грустные не давали мне покоя. Я заставила себя промолчать.

Зал шумел, кто-то выкрикнул «ура» или «наконец-то», ребята начали высыпать из зала...

Себе под нос, Владимир Владимирович, пробормотал свое тихое «спасибо»...

Я подбежала к нему, дождалась, как он до-
говорит с завучем, и поблагодарила:

— Спасибо большое, было очень интересно...

Он кивнул.

Выйдя из зала, я зарыдала и убежала на чет-
вертый этаж. Не знаю почему, слезы лились
сами по себе.

В моей душе, в моем сердце, вскипело столь-
ко гнева, столько боли и злости, что мне хоте-
лось выйти в коридор, и заорать: «Ах вы, бес-
чувственные!»

Я плакала, и про себя думала: «Мне жаль
его. Боже, как же мне жаль его!».

Жалость? Нет, это не она...это что-то другое,
что-то во мне, что-то, что мешает мне дышать...

Я представила, как Владимир Владимиро-
вич выходит из актового зала, смотря себе под
ноги, бредет к выходу, его сталкивает пробега-
ющий мимо первоклашка, и он рассыпает свои
бумаги,...а потом падает на колени, и пытается
собрать их, его снова сбивают...

Я со всего размаху ударила кулаком об стену.

Почему, почему, почему так?

Почему вокруг, куда бы я не взглянула, эта
несправедливость, эта бесчувственность...

Умывшись, вытерев, красные от слез глаза,
я вышла в коридор, и там столкнулась с Влади-
миром Владимировичем.

Он улыбался.

Анна Семенова

* * *

Есть нечто волшебное ночью
В лесу на речном берегу.
Всплывают туманные клочья,
И стонут дубы как в бреду.

В холодном мерцании звездном
Под сенью небесных оков
Уперлись столетние сосны
В могучую длань облаков.

Надев изумрудное платье,
Природа, свежа и легка,
Спустила в речные объятия
Зеленый подол тростника.

А ветви, цепляясь за звезды,
Шуршат облаками листвы.
Как сладок полуночный воздух,
Пропитанный тайнами тьмы!

И волны, как черные рыбы
В мельканье агатовых спин
На берега спящие глыбы
Несутся во тьме как один...

Есть нечто волшебное ночью
В лесу на речном берегу.
Есть нечто волшебное. Точно.
А что? Передать не могу.

* * *

Вечер. Май. Прозрачный холод.
Капли шепчутся с листвой.
Дождь накрыл туманный город
Шевелящейся стеной.

Шпиль царапает о тучи,
Смотрят сфинксы на Неву,
Аромат весны тягучий
В Летнем стелется саду.

Шум деревьев в переулке,
Запах лип, такой родной...
Дождь идет над Петербургом,
Дождь стучит по мостовой.

Старый град, что вечно молод,
Суеты водоворот.
Я влюбилась в этот город,
Я росла у Невских вод.

* * *

Над листвою гаснут красные свечи,
Облака чуть скользят в высоте.
Шелк тумана накинув на плечи,
Ночь ступает по темной воде.

Как прекрасны ночные объятия
И дыхание поздней весны.
Ночь бледна, в антрацитовом платье
Тают звезды как первые сны.

Тьма вздохнула, почуяв свободу,
Убрала со лба черную прядь...
Звезды россыпью падают в воду,
Разбиваясь о мертвую гладь.

И дневные откинув оковы,
Средь древесных зеленых мостов
Ветер свежий, весенний и сонный
Кружит в вальсе ночных мотыльков.

Тихо шепчут древесные кроны,
Зверь затих, затаился, молчит...
И луна на озерных ладонях
Как дрожащее пламя свечи.

Александра Косоротикова

Жёлто-красно-зелёное

Скрип ветхих деревянных ступеней тихо царапал прозрачное утро. Кажется, время ушло куда-то: остановилось, расслоилось и растворилось. Удивительно, как тонка грань между озером и бурной рекой, между статичностью и движением — гораздо тоньше, чем порою кажется.

Уже несколько недель подряд, а может быть и месяцев, я совершенно этого не знаю, потому что время исчезло, я тонул в нескончаемом потоке своих воспоминаний, фраз, звуков. Всё это я чувствовал когда-то. Но почему-то это «когда-то» бесконечно хочется превратить в «сейчас». Отчаянное безумие.

Снова скрипят ступени. Вадимка выбежал на крыльцо. В руке у него было что-то пестрое, цветное, я не мог разглядеть.

Потому что думал. Думал о вечном, как тогда мне казалось, о том, в чем следует разобраться, что нужно понять, разложить по местам, окончательно решить для себя что-то.

А Вадимка не думал. Он бежал босиком по мокрой траве и звонко смеялся. Через пару мгновений он оказался возле меня.

— Что ты делаешь? — спросил наивный детский голос.

— Думаю, — отрезал я.

— А зачем?

— Затем, что нужно, — его вопрос совершенно неожиданно поставил меня в тупик.

— А зачем нужно? Что ты придумываешь?

Я озадачился. А ведь в том-то и дело, что ничего я не придумываю — от этого была бы какая-то польза. А именно думаю. Просто думаю.

— Смотри, что у меня есть! — опять заговорил Вадимка, не дождавшись моего ответа, и протянул мне то самое пестрое и цветное, что я видел издали. Это был воздушный змей.

— Хочешь со мной запустить? Это очень весело, тебе понравится.

— А давай, — вдруг вырвалось у меня совершенно непроизвольно, точно само сознание захотело во что бы то ни стало вырваться из этой бессмысленной пелены.

Мы бежали по мокрой траве сквозь утренний легкий туман. А впереди нас плыло что-то жёлто-красно-зелёное.

Туман начал рассеиваться, и теперь я мог видеть разорванные облака.

— Смотри! — закричал Вадимка, указывая на большое светло-золотое облако — Это крокодил, который прячет от нас золотой клад!

Я присмотрелся. И увидел злые глаза и зубастую пасть.

Мы бежали по мокрой траве. А впереди нас плыло что-то жёлто-красно-зелёное. И столько было вокруг тепла, света и бесконечной свободы, невесомости каждого движенья, каждой мысли...

Ведь вот она — жизнь!

В мокрой траве, в легком тумане, в крокодиле на небе, который прячет золото. Как же я раньше этого не замечал...

Как я мог тратить столько времени на пустое возвращение прошлого, на это монотонное «думаю», когда настоящая жизнь всё это время тихо пела рядом со мной?!

Мы бежали по мокрой траве. А впереди нас плыло что-то жёлто-красно-зелёное... И это жёлто-красно-зелёное — было счастье.

Бабочки с синими крыльями

— Здравствуйте. Скажите, а бывают бабочки с синими крыльями?

— Ну конечно бывают, отчего же им не быть, — не задумываясь ответил я незнакомому голосу в телефонной трубке.

— Вы их видели? — настойчиво требовал голос.

— А Вы, собственно, кто? — осторожно задаю вопрос, почему-то озадачивший меня только сейчас.

— Это не важно, — хладнокровно ответили мне, — Вы когда-нибудь видели бабочек с синими крыльями?

— Нет, — отвечаю я после недолгого молчания, — Белых видел, Коричневых в пятнышках... А какое это имеет значение? — наконец сорвался я.

Действительно, какое мне должно быть дело до каких-то бабочек с синими крыльями, до какого-то незнакомца, привязавшегося ко мне с этими бабочками?

— Это имеет значение, — отрезали мне в ответ, — Вот Вы их не видели, а говорите, что есть.

— Бога тоже не видели, но говорят, что есть! — не вытерпел я и повесил трубку.

«Что за глупости?!» — пронеслось в моей голове, и я вернулся к подготовке отчетов по гидравлическим работам.

Снова раздался пронзительно-тонкий звонок, истерически ворвавшийся в гармонию разумной тишины.

— Ну что еще?

— Послушайте меня, пожалуйста, — начал вновь тот же голос, который я уже успел возненавидеть, — Просто послушайте. Это не займет много времени. Постарайтесь не задавать лишних вопросов. Ни себе, ни мне. Они только мешают.

Я начинал злиться. Однако, не скрою, что происходящее в какой-то степени заинтересовало меня, но, пытаясь подавить в себе это чувство, бросаю на другой конец телефонного провода:

— Да что Вам, заняться что ли нечем?

— А может и нечем. Не бросайте, пожалуйста, трубку. Я скоро от Вас отстану. Просто скажите мне, что Вы сейчас видите перед собой?

— Что за чушь? Ну, отсчеты по гидравлическим работам, стакан чая, алюминиевую ложку. Ну и что с того?

— Хорошо. Сейчас Вы говорите честно то, что вы действительно видите. А видите ли Вы бабочек с синими крыльями?

— Да что вы привязались ко мне с этими бабочками?

— Не вешайте трубку. Пожалуйста. Просто скажите, почему вы ответили, что они есть?

— Я сейчас повешу трубку! Хулиган!

— Пожалуйста, просто ответьте.

Вдох-выдох. Ладно, попробуем принять эту авантюру.

— А потому что это человеческая черта такая — надеяться на лучшее. Когда мы толком не знаем чего-то, мы хотим верить, что это есть.

— А если Вы узнаете, что их нет? Что Вы будете делать?

— Да ничего, черт возьми! Ну нет и нет этих бабочек, мне нет до этого дела!

— А если узнаете, что точно есть?

— Ну... Наверное, обрадуюсь.

— А почему?

— Ну... Ммм... Ну потому, что я так предполагал.

— Вы поверили

— Ну, наверное! Все, пора с этим кончать!
Зачем я только ввязался? До свиданья! — я по-
весил трубку. Чем я занимаюсь?

Вдруг на стройные диаграммы отсчета упали
косые солнечные лучи. Откуда солнце?

И тут в открытое настежь окно залетела ба-
бочка с синими крыльями.

Миша Эйлерт

1.

рыжая проседь в листьях по осени, что сме-
шана с сыростью воздуха в легких,
кроны деревьев меняет, как летом лица ме-
няют веснушки.

от старости яркие, листья хранят в себе кра-
ски прошедших рассветов и устало качаются в
такт уходящим минутам,

а прожилки их будто срисованы с рек, а в ре-
ках пошло рябью небо.

меж страниц, где блеклые буквы формируют
слова, сохрани холсты времени.

они сброшены с веток вниз, потому что ис-
пачканы солнцем и ветром, и каплей дождя, и
пылью.

и навечно исчезнут среди пожелтевшей тра-
вы под ногами прохожих,

если не спрячешь их в книгах
для грядущей зимы.
сохрани.

2.

Нет того, что не сказано, и пустота вместо слов

Там, где всеильные мысли свернулись в клубок подсознания.

Улыбнись. Это будто бы значит, что все у тебя хорошо. Я молчу. Ты молчишь.

Звёзды замерли.

Где-то луна гладит волны, и в них отражается небо — в бездонном бескрайнее. Где-то в щёки целует солнце счастливых и шумных ребят.

Ты уходишь? И правда. Наверное, я замечтался. Уходи. Улыбаясь. И смелой походкой. Вот так.

Где-то ветер пускается с листьями в пляс, смертельный и радостный.

Мы закрыли друг другу глаза, чтобы не видеть слёз.

И не было треска, когда упала сосна в одиночестве.

И не было чувств. Их никто вслух не произнёс.

Не мой немой голос пронзил где-то черное звёздное, и отражен был морем пеной в его волнах.

Чтобы звёзды существовали, есть небо.

Ты уходишь? Ну, что же. Выпрями спину. Вот так.

Светлана Ревва

Сумки прочь

Тем утром на вокзале было много людей. Но я отыскал незанятую скамейку и водрузил на нее свой багаж. И стал ждать прибытия своего поезда.

Я услышал надменное женское:

— Сумки — прочь!

Тут же вскочил и поставил рюкзак на землю.

На скамейку села дама лет шестидесяти. Она была во всем белом: шляпка, кружевная юбка, накидка. Ее глаза были нелепо обведены, губы — криво и ярко накрашены. Красивой она не была. Зато любила разговаривать:

— Английский. Английский сейчас востребован. И кто сейчас не знает английского? Даже я знаю английский.

Она повернулась ко мне.

— Ду ю спик, понимаешь?

— Да.

— Английским владеем, значит? Ну, хорошо. Тогда переведите, что я сейчас скажу.

Она задумалась и с вызовом произнесла:

— Хэллоу.

Я сообразил не сразу, но все-таки вспомнил:

— Здравствуйте.

И начался обстрел. Пожилая дама бросалась английскими выражениями, как оскорблениями:

— Хау ар ю?

— Как дела.

— Велком?

— Добро пожаловать.

— А если с русского?

Меня загнали в тупик.

— Плохо, плохо, что не можешь. Английский пригодился мне в жизни, когда я работала в Гостином дворе в отделе мужской обуви. Понятно, почему мужской, да?

Я не понял, но решил не спрашивать.

— Пришел ко мне некогда иностранец. Сую я ему эту обувь, спрашиваю: «Гуд?». И он мне, довольный, говорит: «Гуд». И стал ко мне шастать. Говорили: «Ой, Людка, замуж выходишь, что ли?» Вот только я не хотела. А кто хочет?

Она отвернулась.

— Был у меня еще один. Говорил: «Ты, Люда, со своим характером никому не нужна». А я знаю, что я ему нужна.

Я посмотрел на ее руку. Обручального кольца не было. Было много других. На каждом пальце. Кроме безымянного.

— Вот только он мне такой не нужен.

Она начала теревить краешек юбки.

— И моя сестрица туда же: «Не умеешь ты с людьми разговаривать. Все хочешь, чтобы по-твоему было. Все учишь людей. А люди по-своему хотят. Они не любят, когда их носом ты-

кают в их ошибки. А ты тыкаешь. Вот и сидишь одна». Сидишь одна... это твой характер... — она передразнила. — А сама она — счастлива? Нет. Не счастлива, — она выпустила юбку из рук. — Никто не счастлив. Даже моя приятельница, дура набитая. Звонит мне, жалуется: «Люда, плохо мне! Помираю!». И звонит она мне каждую неделю. И каждый раз я с ней разговариваю. Так вот, она мне раз сказала, что после наших бесед ей становится легче. Это значит, я несу положительную энергетику.

Мне позвонили, я должен был ответить.

Во время разговора я все равно на нее поглядывал. А когда положил трубку, объявили посадку на мой поезд. Я собрался, попрощался с собеседницей. Когда уже шел к своему вагону, услышал ее голос:

— И помните: несите только положительную энергетику!

Я улыбнулся.

* * *

Я смотрел в окно. Она сидела на том же месте и молчала. Что-то в этом было такое, что выдавало в ней одиночество. Мне стало ее жаль. Но она улыбнулась и встала. К ней подошел пожилой мужчина, взял за руку, наклонился к ее уху и что-то прошептал. Она засмеялась. Они направились к выходу. Поезд тронулся. Я почувствовал облегчение.

Лея Костинская

ЖЕЛТЫЕ СТИХИ

Цикл о Данае

1. Рождение

Солнце было желтым, как шафран.
 Небо вдруг окрасилось багряным,
 И горячий ветер — сладкий, пряный —
 Мне принес мерцающий туман.
 Он клубился, вился, словно змей,
 Обжигая острою прохладой,
 Мне казалось, будто так и надо.
 ...Я была последней из людей.
 И лишь имя помнила — Даная!
 Что, как будто, в день один из дней
 Здесь — в пустыне сумрачных теней —
 Мне его шептала мать родная.
 Спрятала туман я на груди,
 Он клубком свернулся, как котенок,
 Потом тихо, тонко, как ребенок
 Мне сказал: «Чего ты ждешь? Пошли!»
 ...Только первых несколько часов
 По песку ступать казалось тяжело,
 И рука тянулась все за фляжкой...
 А потом мне стало все равно.

* * *

И вот к вечеру, когда уже без сил
 Я упасть готовою казалась,
 Предо мной открылся вдруг оазис
 И родник, сверкающий в тени.
 (Я туману прошептала — «мы дошли!»)
 И упала на колени перед пальмой,
 А ее к сухой земле склоняли
 Золотые спелые плоды.
 Я пила, и ела, и спала,
 И лоза от ветра тихо пела,
 Но как только небо посветлело
 Мой туман сказал, что нам пора.
 И как только дивный уголок
 В золотом мерцании растаял,
 Все плоды, которые взяла я
 Обратились вдруг в простой песок.
 Но туман шептал мне: «Не грусти!»
 Много на пути еще пределов,
 Родников, плодов больших и спелых,
 А задача наша — впереди».
 И мы шли еще и день и ночь,
 Мой туман беседовал дорогой,
 Он то кутал пухом мои ноги,
 То к песку клонился, словно тень.
 Только к вечеру, когда уже закат
 Осушил заботы и обиды,
 Перед нами встали пирамиды
 И фигура некая у врат.

* * *

Мне туман сказал: «Смотри, то сфинкс!
 Он хранитель древних, страшных знаний,
 Не одно столетье египтяне
 Высекали царский его лик».
 ...Он сидел, огромный, грозный зверь,
 Как дракон над грудями сокровищ,
 Но за ним — о Г-споди, о Б-же! —
 Я увидела вдруг нужную мне дверь.
 Шаг вперед — и веко поднялось!
 Словно черный пламень в безднах Ада,
 На меня смотрели два агата,
 В них была насмешливая злость.
 — Кто здесь? — его голос, как набат
 Оглушил меня; не в силах слушать,
 Я закрыла в страхе свои уши.
 И хотела отступить назад.
 Сфинкс вопрос свой повторил опять.
 Я сказала: «Имя мне — Даная.
 Кто же я... Сама еще не знаю.
 И пришла сюда, чтобы узнать».
 — Кто с тобой? — я вспомнила: «туман!»
 Но пуста была вокруг дорога,
 Мне вдруг стало страшно одиноко.
 Я сказала сфинксу: «Я одна».

После этого меня он пропустил,
 Дверь открылась мягко и бесшумно,
 Там сияли крошечные луны,
 К потолку взвивался дым кадил.
 Я одна ползла сквозь узкий лаз
 В вязком и сгущающемся мраке,
 И в руках моих зажженный факел
 Заметался, дрогнул и погас.

* * *

Но когда песчаный взвился рой,
 И дышать мне стало очень трудно,
 Я увидела светлеющее утро,
 И туман шепнул, что он со мной.
 Он сказал! Он был здесь, мой туман!
 Но ему ответить не успела,
 Потому что все вдруг посветлело,
 Словно бы оптический обман.
 ...А вокруг шумели сотни лет,
 Люди, голоса, и смех, и звуки,
 Чьи-то мягкие, привычные мне руки.
 И в глаза ударил яркий свет.

* * *

Я потом увидела туман.
И сказать хотела: «Не забуду...»
Но лишь плач растаял в тихом утре.
...Солнце было желтым, как шафран.

2. Желтая скакалка

За дорогой желтой — желтые поляны,
Желтые деревья, желтый небосвод,
Девочка Даная в платице янтарном
Желтую скакалку крутит у ворот.
Пробегаёт мимо желтый-желтый ежик,
Желтые опята выросли вдали,
Ежели Даная выйдет за порожек —
Заструится в реках мед вместо воды.
Ежели Даная желтую скакалку
Бросит, словно ленту, детскую рукой,
То из трещин в скалах, в этих желтых скалах,
Словно бы из чаши, хлынет молоко.
Девочка Даная! В этом желтом мире
Куклы твои будут под дождем плясать...
И в янтарном платье, в желтизне квартиры
Ты сама всем куклам — любящая мать.
В мире наводнения, мятежи, пожары,
В мире от волнений солнце, словно лед.
...Девочка Даная в платице янтарном
Желтую скакалку крутит у ворот.

Виолетта Ильичева

Птенец

Под мелодию наступившего лета, сложенную в пении птиц и шелесте высокой душистой травы с капельками розоватых бутонов, я неслась домой. Безбожно пачкая стиранные бриджи брызгами свежих луж, я звонко смеялась поднимающимся каплям. Дорога колола острыми камешками босые пятки, ветки черноплодки, перекинутые через соседский забор, ласково гладили макушку. В стороне раздалось недовольное жужжание, но слишком поздно, чтобы я успела убрать руку и не сбить летящего шмеля. Пухлый комочек, скинув пыльцу с лапок, совершил экстренную посадку на одуванчик.

Не сбавляя скорости, но уже тяжело дыша, я пронеслась сквозь колючие малиновые ветки, охранявших тропинку к дому. По обыкновению подпрыгнув и утащив за собой лист старушки-сливы, я спустя несколько шагов оказалась и крыльца дома и замерла. Высокий, худоцавый старичок, выглядевший на десять лет строже, чем был на самом деле, показывал бабушке сжатые ладони.

— Валя, — говорил он хрипловатым голосом. — Я знаю, что пришел не зря. Вы точно сможете о нем позаботиться.

Любопытство тут же ударило мне в голову десятками догадок. Воображение рисовало картины более красочные, чем пейзажи бабушкиных клумб: маленький котенок, или, может, даже заблудившийся щенок, ну или на крайний случай скромный ужик...

— Но я же понятия не имею, как с этим обращаться! — недоумевающе воскликнула бабушка, принимая таинственное существо из рук соседа в свои ладони. Между пальцев мелькнуло крыло.

— Ну, что поделать, а я сейчас уезжаю. У меня автобус до города через полчаса, и я уже опаздываю. Не повезу е я его с собой, в самом деле? — тут бабушка нерешительно кивнула. — Валя, — сообщил он ей, перейдя на доверительный шепот. — я точно знаю, что если тут и есть кто-то, способный помочь ему, то это только вы.

Он похлопал ее по плечу и, обернувшись, заметил меня.

— Здравствуйте! — радостно улыбнулся он, натягивая на голову потертую шляпу с полями. — Вот тебе и помощник, — кивнул он на меня, обращаясь к бабушке. И до свидания, — тут же повторил он в привычной ему манере. Широким шагом переступив сразу две ступеньки, он подхватил с качающегося стула дорожную сумку, взвалил ее на худое плечо и был таков.

— Лерочка? — бабушка, все еще крепко держа зверя в руках, взглянула на меня с заботой. — Где ж ты была так долго? Кушать будешь?

— Ба, а что там? — пропустив все вопросы мимо ушей, покрасневших от предвкушения встречи с новым питомцем, я поднялась на ступеньку.

Бабушка покорно вздохнула и чуть разжала руки. Из замка ее ладоней показалась маленькая, коричнево-пернатая, голова. Два шоколадных глаза испуганно смотрели на меня. Птица резко поворачивала голову, изучая новую обстановку, заметно дергалась и даже пробовала пищать. Теплые бабушкины руки представлялись ей частью гигантского чудища, поймавшего беззащитную добычу. Чтобы подбодрить птицу, я громко прокричала радостное «Ура!», и существо предпочло моим крикам быть съеденным.

— Не кричи ты так! — недовольно оборвала меня бабушка. — Он же тебя боится, — уже ласково сказала она птице. — Ну чего ты, голубчик, не бойся. Сейчас мы тебе поможем.

— А что с ним? — в сердце место восторгов сменила жалость. Я осторожно, стараясь не скрипеть мокрой ступенькой дряхлого крыльца, поднялась к бабушке и взглянула на птицу. — Он поранился?

— Он застрял в крыше, в сарае у дяди Юры, — она глянула вслед давно ушедшему соседу.

— Так теперь это наша птичка?! — недоумевающе воскликнула я, под взглядом бабушки виновато понижая тон. В голове не укладыва-

лось, как может человек отказаться от такого подарка, пусть пернатого и неожиданного. — Он еже еще птенчик! — тут же выпалила моя детская натура, считавшая все, что было меньше ее, детенышами.

— Нет, мы ему поможем, и отпустим на волю, — строго произнесла бабушка. — Мало нам одного птенчика? — бабушка улыбнулась. — поддержи-ка, только осторожно, я схожу за зеленкой.

Как ни дрогнула я от щиплющего сердце слова «зеленка», но птицу мне все-таки вручили, переложив на спинку. К слову, это была вполне взрослая птица, не помещающаяся в ладонях пятилетней девочки, но я, ухватив ее двумя руками, гордо окрестила Птенцом.

Пузико Птенца было куда светлее головы. Несколько клочков перьев было выдернуто, очевидно, в борьбе с крышей сарая. На розовых тонких лапках, которыми он пытался меня поцарапать, устроились красные царапины. Я постаралась уложить существо удобнее, и Птенец смотрел на меня, как на последнего своего мучителя: гордо, с холодящей душу безысходностью и едва не слезами. Он еще не знал про бабушку.

А бабушка лебедем, ни разу не скрипнув ступенькой, сошла с крыльца, держа в руках пластиковую коробку и спешно приблизилась к нам. Птенец, обезумевший от смены хищников, резко задергался и заверещал, но его из моих рук все-таки взяли и заменили коробкой. В бабушкину руку он ложился просто отлично, как

будто специально для нее родился, и дергать грозной лапой уже не выходило. Я, сохраняя бесстрастный вид, смело держала коробку, пока бабушка превращала обычную ватную палочку в вымоченное в зеленке оружие против ссадин. Сердце мое дрогнуло, когда изумрудный кончик ватки отразился в глазах Птенца ужасом. Он уже даже не дергался, и я сочувствовала ему больше, чем себе неделю назад, когда разодрала колено.

— Так, что тут у нас... — как можно мягче произнесла бабушка и, как и полагается взрослым, безжалостно полоснула птицу по тощей ноге. Птенец задергался и заверещал, но вторую ногу постигла та же участь. Я тут же задула на лапу, а бабушка уже рисовала зеленые точки на пузике. Птица тяжело дышала и продолжала смотреть на нас со всей пернатой гордостью, что только могла быть в ее взгляде. Бабушка уже легко переворачивала Птенца, мазала ему крылья, и он отчего-то уже не дергался. Кроме выдранных перьев на крыльях ничего особо неправильного не было.

— Ну вот и все, — бабушка вздохнула с таким облегчением, будто перемыла пятьдесят тарелок. — Сейчас мы тебя положим в коробочку, будешь там отдыхать.

Птенец снова замер. Что это за коробочка и как в ней лежат он не знал.

— Может, с ним поиграть нужно? — произнесла я, задумчиво вспоминая себя на его месте. — Отвлечь.

— Нет, голос бабушки был серьезным. — Его надо оставить в покое, у него тихий час.

Пока птица, сидя в коробочке с кучами тряпок отдыхала или молилась, меня заставили пообедать, почитать книжку и, скрепя сердце, все-таки отпустили к Птенцу на веранду. Он встретил меня крайне нерадостно: забился в угол и спрятал голову под зелеными крыльями. Но, наверное, тепло моих рук ему нравилась больше, чем молчание бездушных тряпок, и, оказавших в маленьких детских ладонях, Птенец снова замер, блаженно прикрыв глаза. Я уселась с ним на диван и мечтательно вздохнула.

Через мгновение его потревожил громкий стук по сухой деревяшке.

— Анька! — закричала я изо всех сил, и птенец снова начал молиться. Испуганно глядя на небо. Анька, иди скорей сюда!

На мой голос в дверном проеме показалась сначала светлая макушка, потом голова и уже вся мой подруга, с трудом залезавшая на порог. Она по-хозяйски осмотрелась и замерла, увидев в у меня в руках нового друга.

— Это что такое? — восторженно произнесла она, подходя. Ее розовые шорты были забрызганы теми же лужами, что и мои.

— Ты что же такая глупая? Птенец! — с гордостью ответила я и поведала Аньке историю о героическом спасении птица с крыши опасного соседского сарая. — Он под козырек забился, нам его дядя Юра принес, вот, теперь с нами живет.

— Давно живет? — поинтересовалась Анька тонким голоском с нотками зависти.

— Давно, — я важно кивнула. — Уже час где-то.

— Настоящий член семьи! — девочка потянула к Птенцу палец.

Член семьи дернулся и вжался мне в ладонь. Я почувствовала, как он, дрожа, просит защиты у меня, и польщенная этим, я с распиравшей меня гордостью ответила:

— Видала? Он только своих признает! Настоящая сторожевая птица!

Анька покраснела от зависти, но кивнула. Не каждый день видишь зеленого птенца.

— А что за птица-то? — спросила она, устремиваясь ко мне поближе.

— Говорят тебе — Птенец!

— А почему он зеленый? — Анька разглядывала пятнистое крылышко с не понимаем. — Странный какой-то.

— Это он от гордости, что живет с нами теперь! — выпалила я первую попавшуюся мысль. — И от зеленки. Но больше всего от счастья, что он теперь сторожевая птица.

Сторожевую птицу выпустили разведать территорию. Птенец осторожно запрыгал на диване, когтистой зеленой лапкой цепляясь за старенький плед. Он пропрыгал к Аньке, с мгновение смотрел на нее снизу-вверх и ретировался обратно мне в руки.

— Какая же он сторожевая птица? — девочка развела руками. — Он даже меня боится!

— Это он докладывает! — обиженно воскликнула я. — Ничего он не боится, он просто сообщает, что тут сидят разные Аньки и не верят в него! А он с теми, кто в него не верит, не общается!

Анька порозовела от злости, и стала похожа на большой бутон, скрывшийся высокой траве. Птица, царапая мне руку, уместилась на предплечье и вдруг замерла.

— Он... — начала было я тождественную речь, но тут же взглянула на Члена семьи. Он не двигался и никак не реагировал, когда я потыкала в него пальцем. — Остывает! — закричала я. — Анька, держи, держи его! — я сунула ей тряпки из коробки, нагретые летним солнцем, и кинулась к бабушке.

— Ба! Ба! Ба! — я теребила ее за рукав. — Пойдем, пойдем скорее! Птенец остывает! Ба!

Бабушка выпустила из руки нож, которым чистила морковь, и он звякнул о разделочную доску. Птенца вырвали из рук довольной Аньки, и пока мы с ней сутились рядом, бабушка внимательно осматривала Птенца. Сердце у меня в груди так никогда не билось. Я думала, оно оттуда выпрыгнет.

А бабушка, выкинув все тряпки, накрыла птенчика теплой ладонью.

— Царапается, — через минуту напряжение и молчания произнесла она с улыбкой облегчения. — Греется.

Я посмотрела на свои руки. Они были белые, с красными кончиками пальцев, и, наверное,

все-таки слишком холодные для сторожевой птицы. А бабушки ладони всегда были теплые, большие, мягкие, на них даже спать можно было, как на подушке, и щеки греть, и уши.

— Ну, вот, и ничего страшного, — она чуть разжала руку, когда птенец, полностью успокоившийся, стал головой размыкать ее пальцы.

Он высунул из импровизированного гнезда коричневую головку, потом, все еще плотно прижимая к спинке крылья, вылез сам и тряхнул головой. Он, уже без боязни осматривая нас, прошелся у бабушки по животу и ловко съехал вниз, на плед. Птенец важно прошествовал ко мне, через шаг отдергивая лапу от шерстяных ниток и вдруг повел плечом. Правое его крыло чуть дернулось от спины и лишь на секунду потянулось расправиться, как тут же было прижато к спине. Другое несильно хлопнуло его по боку. Он повернул голову к бабушке, кивнул ее улыбке, на мгновение задержал взгляд на открывшей от изумления рот Аньке и тут я встретилась с его взглядом: спокойным, птичьим, благодарным. Он оттолкнулся от пледа, когтем разорвав нитку, и был таков через долю секунды. Мы в изумлении кинулись к окнам. Птенец описал два круга вокруг флигеля соседнего дома на лету едва не столкнулся с сородичем, и они оба пропали из виду.

И еще несколько дней я видела птицу с зеленой лапкой, сажающуюся на крышу нашего дома. Мне казалось, она мне кивает.

Полина Еремина

Город

Корни деревьев сплетаются в вечном танце,
Небо все ближе жметя к тугим проводам,
Ржавые кольца сковали холодные пальцы,
Эту свободу заветную я не отдам.
Город простуженный нравится мне сильнее.
Белые ночи позвали бежать босиком.
Вспышками лета на небе уже розовеет,
В город влюбиться — еще не считалось грехом.
Музыка вдруг в переулках, и эти рассветы,
Рьяная молодость, крылья за каждой спиной,
Солнце и дождь, и мое настоящее лето,
В нежных объятьях сжимает мой город-герой

Алевтина Зубкова

Дыхание

Посвящается Полине

Эта девочка сидела позади меня. Она была скромная и тихая. Почти незаметная. Но каждый раз, когда она вздыхала, все затихали, и её дыхание гулко разносилось по классу. Мне всё казалось, что вот-вот — и грянет гром. Страшный гром. Все взрослые мне говорили: «Прекрати бояться её, она же болеет. Когда-нибудь она выздоровеет и пойдёт гулять со всеми на площадке, знаешь, под тенью берёзы. Когда-нибудь...»

Но я не верила. Я всё равно вздрагивала, когда она вздыхала.

Ещё она умела делать кораблики из бумаги и фольги. Вообще, я думаю, она ничего не умела делать, кроме этих корабликов. Все уроки она только и делала, что комкала бумагу в эти свои кораблики. Я однажды решила, что я тоже хочу заниматься на уроке чем-то, кроме математики, например. Я решила петь. Это была очень хорошая песенка.

Но учительница взяла меня за руку и вывела в коридор.

— Прекрати это делать! — сказала она.

— Но почему Нина складывает кораблики? А я должна просто сидеть? — возмутилась я.

— Нина — это другое дело.

Все повторяли это имя. Нина больна. Нина сходит с ума. Нина вернется?

До слёз надоело оно мне. Я готова была сделать всё, чтобы Нины не было рядом со мной. «Прекрати, — говорили мне, — ты глупо себя ведёшь. Она когда-нибудь выздоровеет, она будет играть со всеми, в песочнице, под тенью берёзы».

А однажды я сказала им всем, учителям, родителям, взрослым, что очень хочу, чтобы она никогда-никогда не пошла с нами играть на площадку, чтобы она никогда не села на качели, и никогда не подходила к берёзе. Тогда все старшие посмотрели на меня, без улыбки, без тени негодования, просто посмотрели. И не сказали ничего. Я не знаю, что они думали в это время.

Наверно, они хотели, чтобы я была на месте Нины.

Нина, Нина...

Ребята никогда не обращали на Нину внимания. Просто не подходили к ней никогда, вот и всё. Вообще старались даже не прикасаться к её вещам. Все просто боялись её.

В нашем классе все ждали лета. И Нина ждала. Иногда, она подходила к учительнице и спрашивала её: «Сколько ещё дней до лета?», учи-

тельница давала ей календарик, сажала её на колени и говорила: «А давай вместе посчитаем?»

Один, два, три, четыре...

Каждый раз разное значение. Лето всё ближе и ближе.

А Нина сидела позади меня и складывала всё новые кораблики.

Лето всё ближе, Нина.

Ещё она любила задавать разные вопросы:

«Почему снег холодный?»

«Почему трава летом жужжит?»

«Куда убегает дождь?»

Она спрашивала это посередине урока. Так, будто от этого всё зависело.

А я боялась её дыхания.

И вот она исчезла. Исчезла, никого не предупредив, но мне казалось, что только я не знаю ничего про неё. Все остальные вели себя так, будто бы ничего не случилось.

Тогда, впервые, я задумалась, может быть, её и в самом деле нет? Может, я её себе придумала?

Кто она? Есть ли она?

Нина, куда уплывают твои корабли? Где живет твоё море?

Это случилось спустя некоторое время, после её исчезновения.

Нина вдруг вернулась, снова. Казалось, что не изменилась она. Но было что-то другое.

Она села за свою парту и принялась делать кораблики. Снова зашуршала бумага, зашелестела фольга...

Ветер за окном качал деревья с ярко-зелёными листьями, вздымалась белая занавеска, падали кружочки солнечных лучей на зелёную школьную доску, тихо говорила учительница свой урок, синело, отливая лазурью, небо, и за тёмным углом крыши белел кусочек кучевого облака.

Нина, лето почти пришло. Корабли уже ждут своего выхода.

Где же они, Нина?

Похоже, для неё ничего не существовало, кроме кораблей. Мне кричать, что ли?

Небо синело. Бумага шуршала, и всем верилось, что закончится эта зима. Зима в наших головах. В Нинином теле. Лето всё не приходило, но было так близко, что звенело между стёклами домов, кричало в картонных листьях.

Мне не было жалко её. Меня пугала она. Нина, Нина, кто ты? Скажи мне?

Ты, другая, или ты это...?

Я вспомню тебя, спустя тысячу лет? Вспомню ли?

Где ты, Нина? Ты всё ещё позади меня?

В тот день я заговорила с ней.

— Твои корабли... Они умеют плавать?

— Нет. Я же не умею, — она пожала плечами.

— Никто не умеет, — сказала я.

— И ты?

— И я.

— А я верила в тебя, — она вздохнула.

— Замолчи, ты и не знаешь ничего, — я посмотрела ей в глаза и сжала губы.

— Тебе всего семь, — она снова пожала плечами.

— Мне всего семь, но ты уже постоянно преследуешь меня. Мне уже намного больше, — я поддалась вперед.

Она ничего не ответила. Ей было всё равно. Она разрезала бумагу.

Жужжала под потолком лампа.

В окно билась, словно птица, ветка берёзы с нежными весенними листочками. Мне нисколько не страшно.

После уроков мы остались вдвоём. Я и она. В одном классе.

Не страшно, совсем.

— Ты ужасна, — говорила она мне, с надменной улыбкой, вертя в руках корабли.

— Ты тоже ужасна, — прошептала я сквозь зубы.

Казалось, что потолок над нами скоро рухнет.

И пол падал.

Нина сходила с ума. А мне было не страшно. Я смотрела сверху вниз, на корчившуюся, синющую Нину, смотрела, смотрела, как изо рта её бежит розовая пушистая пена.

Она лежала внизу, с закатившимися глазами и сумасшедшей улыбкой на белых губах.

Я смотрела на неё. Она сходила с ума.

Я взяла портфель и вышла из класса.

На улице пронзительное небо обнимало солнцем людей, кричали там, внутри деревьев, облаков, сиреневые птицы.

— О господи, Нина! — слышалось у меня за спиной.

Я обернулась.

— Нина, а как же твои корабли? — спросила учительница.

— Я заберу их потом. Завтра. Мне идти нужно.

— Ты вернёшься?

— Не знаю. Мне ведь всего семь.

— Возвращайся, твои корабли всегда будут ждать тебя.

— Посмотрим.

Где же оно твоё море, Нина?

Лето уже пришло.

Сергей Дегоев

Выше!

Подними глаза — Выше!
И вдохни — как можно глубже!
Весь мир этим днём — дышит!
Посмотри, как сияют лужи!

Вдохновенье ищи — Всюду,
Пусть свет из души — льётся!
Счастлив ты — и я буду;
Подними глаза —
к Солнцу!

Варвара Тюрина

Обратно в ту весну

Узорчатые шторы заслоняли весну. Здание не пускало в мир. Стул приковал меня к месту. Последний день учёбы отнимал у меня последний день весны.

«Как же так? Я не видела ни единого дня весны. Я не видела птиц, прилетевших из дальних стран, я не заметила, как отцвела сирень, осыпались весенним снегом цветы черёмухи. Я оправдываю себя тем, что училась. Только какое же это оправдание, когда у меня целых пять или даже шесть троек в году».

Так я размышляла, сидя на уроке физики и смотря в окно. Но, наконец, прозвенел долгожданный звонок, все сорвались с мест, и с криками «Свобода!» выбежали из школы.

На улице стояла тёплая погода. Пахло зеленью, одуванчиками. Черные точки — вороны расселись ровными рядами на провода. Все было как нельзя лучше, но тут заворчал мобильник, и в трубке недовольным голосом сказала мама:

— Приходи быстреей домой. У меня срочные дела на работе и Юрий дома один...

Послышались противные гудки. Нечего делать, пришлось идти домой.

Хлопнула парадная дверь, и я вошла в подъезд. Звуки моих шагов гулко отзывались эхом между стен. Я повернула ключ в замке и вошла в комнату.

Юрик спал, растянувшись на диване.

Юрик — мой младший братик. Ему еще и пяти не исполнилось, как он уже научился читать.

Тут мне в глаза ударил свет. Солнечные лучи так громко стучали в окно, словно неожиданный гость колотил в дверь.

Как только я открыла форточку, тут же они проскользнули в щель и влетели в комнату. Брат на диване поморщился и перевернулся на другой бок. Лучи закружили вокруг меня, подхватили и мы полетели...

Куда? В весну...

Я снова услышала запах сирени, мокрых листьев, изрисованного мелкими асфальта, ветра.

Я снова увидела счастье в беге по лужам, в плетении солнечных венков, в строительстве дома на дереве, во времени, бегущем вперед...

Как тогда, я лежала на траве, смотрела в небо, и в глаза били солнечные лучи.

Как тогда, я ехала на велосипеде по лужам, не жалея брызг, и ветер дул мне в лицо.

Тёплый ветер, ветер счастья.

Как тогда, я ехала в тележке из магазина с горы и визжала. От счастья.

Все было как тогда, в детстве. Как было той весной, когда мы с мамой целые дни проводили

на улице, и когда мне не исполнилось еще пяти лет.

Когда мама не работала. Когда она была счастлива. Когда была счастлива я...

А у Юрика не было такой весны. Ведь мама теперь все время работает. И я пожелала: «Пусть у него будет лето, в которое он будет по — настоящему счастлив».

Все было, и может повториться снова, если ты еще ребёнок.

Мария Матушевская

Лису

Рыжие лисы машут своими хвостами,
Алый закат окровавил пшеницу волос.
Розы собрали в букеты; осенней порою
Новый куст через рыжую шерсть пророс.

Осень сгорает в зареве ярких листьев,
Кровь на бутонах кажется свежей росой.
По этой земле ходит множество взрослых принцев;
Прирученный Лис, а где потерялся твой?

Красная роза взорвалась в нагрудном кармане
Белой рубашки с вышивкой по рукавам;
С мёртвых деревьев ядом слова упали,
Острыми гранями лапы изрезав в хлам.

Лисы устали ждать, звериной тропой
Каждый день пара рыжих уходит в закат.
Осень кончается, солнце опять в запое,
Маленький Принц заплутал и, увы, не вернулся назад.

Звёздам плевать, они жалят холодным светом,
Гноем в глазах обернулась бессонная ночь.
Так одуряющее розы пахнут где-то...
Эх, если б кто-нибудь как-нибудь смог помочь.

Вдаль убегают нетленные годы-мили,
Лис не дождался, издав свой последний хрип.
Нам говорили: «Вы в ответе за тех, кого приручили»,
Вот только Маленький Принц, до звезды не добравшись...
Погиб.

Маме

Мама, над нами безудержно-синее небо,
Где-то под сопкой мирно журчит вода.
Мы — наступаем. Резервные роты — следом.
Мама, скажи, почему началась война?

Взрывы снарядов и яростный треск пулемётов;
Нам до позиций чужих не добраться никак.
Кажется, мир состоит из тысяч окопов
И непрерывных, бешенных, вражьих атак.

Дали задачу, завтра опять в наступление;
Мало припасов, но помощи можно не ждать...
Брошенной пешкой наше подразделение
Сможет ли брешь в обороне врага отыскать?

Бой — это страшно; нам не поспорить с судьбою.
В слабых руках дрожит чужой автомат.
В этих сраженьях так сложно остаться собою...
Пуля навyleт.

Кровь

В голову

Бьет
Как набат.

Небо бледнеет под стон похоронного марша,
Солнце могилы копать заставляет быстрей...
Мамочка, эта высотка всё-таки наша,
Только вот я навсегда осталась под ней.

* * *

Сердце в груди задыхается и поёт как самолёт,
который идёт на взлёт: каждый следующий — буд-
то последний раз, небо тонет в сотнях открытых
глаз; море вздыхает и бьётся волною в грудь —

не вздохнуть.

И если по сцене как босиком по траве, если в
свету декорации как в огне — значит ли это, что
нужно сделать шаг, не верить себе — ты самый
главный враг; осознавай бесполезность такой
борьбы —

никакого бы.

Для счастья, видно, особое нужно чутьё:
только один из сотни нашёл своё, все остальные
маются не на местах; кто поумнее — преодолеет
страх и осознает — выход теперь один:

место чужое
сделать
суметь
своим.

Фелиса Замирова

Я и Кот

Я и кот живём одной жизнью. Я и кот любим
вечернюю тишину, когда за окном падают су-
мерки, он сидит на шкафу, или на пианино, а я
на диване или в кресле.

И тогда мы молча беседуем друг с другом.

Он медленно прикрывает глаза.

— Как тихо...

Я улыбаюсь, глядя на него.

— Хорошо, не правда ли?

Он поворачивается в профиль.

— Хватит бездельничать, иди и напиши что-
нибудь, а потом мне прочитай.

— Тогда ляг покрасивее. Я посмотрю на тебя,
может, мысль какая в голову придёт.

Он подгибает под себя лапы и сворачивает-
ся в плотный клубок, и из рыжей шерсти ста-
новятся видны только розовый нос и крупные
красивые ушки.

Я наливаю чай, достаю машинку и начинаю
стучать по упругим клавишам.

Через некоторое время читаю коту вслух. Он
смотрит на меня искоса и прижимает уши.

— Ерунда.

Исправляю, думаю, ещё исправляю.

— А так?

Зачитываю.

Опять прижатые уши.

— Всё равно — ерунда.

Кидаяю рукописи на диван и восклицаю:

— Сам попробуй!

Он отворачивается.

Исправляю.

Читаю коту.

— Теперь-то хорошо?

Кот довольно жмурится. Хорошо, значит. Я откладываю рукописи и иду к коту. Беру его на руки и прижимаю к себе.

Такой тёплый, пушистый... Так мы и живём. Я и кот. Живём и делаем своё дело.

Он — вдохновляет. Я — пишу.

Бегущая к звездам

Раньше я так любила смотреть на звёзды. На луну, распахивая окно, и не важно, что на улице минус 8. Ловить снежинки и тени звёзд, летящих с неба, стоя у окна в одной лёгкой белой рубашке.

Куда я делась? Не могла же я — такая, бегущая к звёздам, — просто исчезнуть?!

Тогда где же я?

Я подошла к окну. В той же белой рубашке, но уже не совсем я. Только часть меня, которая всегда считала, что всё это — ерунда.

Луна глядела на меня одним глазом из-за соседней крыши. Она подмигнула мне и спряталась за дом. Я вгляделась в небо сквозь оконное стекло. Там, среди звёзд, кружилась, танцующая, маленькая фигурка в белой рубашке. Нужно догнать себя! Ведь так другая часть меня останется здесь, совсем одна, без звёздных грёз!

Я распахнула скрипучее окно. И не холодно совсем, хотя снег лежит, и минус ночью обещали... Ну, опять. Так, с земными мыслями, я никогда не догоню себя в звёздах, они тянут вниз. Таким мыслям не суждено подняться высоко.

Хорошо, что я за городом. Ведь тут звёзды гораздо ярче, и их больше, значит, будет светлее и легче не упустить себя из виду. И я побежала за собой, к звёздам, со всех ног, одновременно оставаясь там, внизу, в окне.

Было невероятно тихо, и только Луна прошептала мне:

— Не бойся! Быть странными — наша профессия. Профессия бегущих к звёздам...

Мечта

— Я спрашиваю тебя последний раз: будешь ты играть или нет?

— Нет!

Лёнька всеми силами старался одолеть плач. В носу щипало, в глазах осточертелые ноты расплывались от слёз. Он уже не видел где «си», а где «ля». Всё это уже слилось в одну злую, серую, ненавистную песню.

— Играй! Тебе уже девять лет, пора учиться!

— Нет!

Валентина Ивановна нависла над Лёнькой чёрной горой с седой шапкой волос. Мир для него стал чёрно-белым: чёрные и белые клавиши рояля, чёрное платье Валентины Ивановны, её белые волосы, чёрные ноты на белом листе...

— Он ещё будет спорить! Он спорить будет! За что мне платят твои родители? За ежедневное издевательство?!

И тут Лёнька не выдержал. Он вскочил со стула.

— Нет! Они платят за издевательство надо мной! Я тысячу раз говорил, что я не хочу быть музыкантом, и мне не нужны все ваши гаммы, этюды, упражнения!..

Лёнька понял, что все эти слова не имели смысла.

Он не стал заканчивать свою речь, но Валентине Ивановне хватило и этого. Она схватила Лёньку за запястье и вытолкнула за дверь, хлопнув её.

Слеза всё же скатилась по Лёнькиной щеке.

Он пнул дверь.

— Дура!

Валентина Ивановна, конечно, не услышит, зато ему легче.

«Дура, — подумал он, — Все они дураки! Вот уйду и стану путешественником, как мечтал. Плевать на них всех!»

Он бросился бежать, прочь, дальше, быстрее, и не возвращаться сюда. Никогда!

Он на ходу сорвал куртку с крючка в прихожей, повернул два раза вставленный в скважину ключ, вниз по лестнице, одеваясь на ходу.

Лёнька с разбегу толкнул плечом дверь и чуть не вывалился наружу.

В последний момент, удержавшись на ногах, он бросился в бесконечный лабиринт улиц, под полог дождя...

Он остановился только тогда, когда понял, что не знает, где находится.

Лёнька потерялся.

Он беспомощно сел на ступеньки какого-то крыльца и тихо заплакал, размазывая кулаками по лицу слёзы и капли дождя.

Может, он и станет путешественником...

Когда-нибудь.

Янина Дроздова

* * *

Сквозь двойные оконные рамы
Крадётся горячей струёй первый
Солнечный день,
Зашивая глубинные шрамы,
Разделяя холодную стену на свет и на тень.
Разделяя меня на сейчас и на до.
Замерев, я смотрю на пылинки в сиянии,
Забывая о тысячах надо,
Сознавая, что детское солнце в изгнании.

Весна Третьякова

* * *

Тонет небо в густом огне,
Звезды сбрызнули небосвод...
Хоть бы раз увидеть во сне
Этот сказочный солнца заход.

По воде раздробилась луна,
Мягкий воздух так нежно свеж.
Для чего эта жизнь дана?
В ощущениях — звонкая брешь.

Засыпает медведь-гора,
Зарываясь в воздушность туч,
Вроде тоже на отдых пора,
Но стук сердца беспечно могуч.

Берег вновь принимает медуз —
Их убило морскими штормами.
Тяжко словно я лишний груз.
Почему я не с ними, а с вами?

Застывает на небе медяк,
 По блокноту шагает мороз.
 Эти смерти — такой пустяк,
 Раз по ним не пролили слез?

Небо ловко пришито к воде,
 Яхты — вспышками в черной глади.
 Для кого я нужнее и где?
 Почему я живу, чего ради?

Зачерствел запыленный закат,
 Распустился ночной цветок.
 Волны прыгнут вперед-назад,
 И угаснет небес потолок.

Опускается ночь на дно —
 Завершающие штрихи.
 Сколько было бы мне дано,
 Если б я не писал стихи?

* * *

Горизонт затянуло светом,
 Белой сетью воздушных судеб,
 Это — самое яркое лето,
 И другого такого не будет.

Валуны засыпает цветом,
 Ярочно-желтым, как часть планеты.
 Песня моря еще не спета,
 Но плывут по воде букеты.

Черным галька блестит на круче,
 Лижут склоны жадные волны.
 Космы пены — узоры на туче.
 Мир насыщенный, вечно полный.

Осветился лазурный берег,
 Осадили бакланы камни,
 Говорят, кто-то в сказки не верит?
 В этом месте не верить странно.

По соленому небу, по следу
 Кораблей невысоких башен
 Я тоскую, ведь я не приеду,
 И от этого даже страшно.

Анна Волкова

Счастлиное ребячество

Когда судьба корабль мой
Безжалостно бросает к скалам,
Представлю мир, весну, покой —
И снег в душе вдруг станет талым.

Средь бурь, невзгод и канителей
Я верю в свет, я вижу путь:
И с верой проще меж метелей
Слепую злость с себя стряхнуть.

Готова с миром поделиться,
Зажечь свечу в кромешной тьме,
Помочь любить, дружить, явиться
Ко всем, украдкой, во сне.

И до последнего держаться
Тончайшей нити из мечты,
Того, чего нельзя бояться:
Ребячества. В нем я и ты.

Детство

Деревушка была маленькой, но растягивалась вдоль проселочной дороги до самой реки, что широкой лентой опоясывала ближний берег леса. Помню, как с ребятами бегали за карасями: целая толпа ребятишек, с веселым шумом и криками, держа в руках самодельные удочки и сети, которые ловко стянули у отцов из сарая, задорно улыбаясь и хорохорясь, сидели на берегу, нервно наблюдая за рябью на воде. Частенько улова не было вовсе, но сколько ликования испытывал тот умелец, который вылавливал мелкую рыбешку на глазах у сверстников.

С удовольствием проводил я лето в деревне. Каждый день начинался с рассвета, с первого крика петуха, который воинственно, в одиночку, защищал целый курятник, под взволнованное кудахтанье кур.

Моя бабушка, Серафима Семеновна, живая и веселая старушка, из ряда тех, которые остаются молодыми самой старости, всегда вставала раньше меня. До сих пор не могу понять, как ей это удавалось.

Сколько не пытался я обогнать ее, бабушка всегда опережала меня. Поэтому, когда я просыпался, она уже сидела за столом или торопливо накрывала завтрак.

У нас была корова, Зорька, белая, как утренний снег, но на одном боку у нее растянулось большое рыжее пятно. Зорька была строптивой, даже иногда злобной. Или мстительной. Наверное, не могла простить мне ту шалость, когда я с силой, присущей пятилетнему ребенку, дернул ее за хвост, с забавной рыжей кисточкой на конце. Но бабушка ладила с Зорькой, поэтому на завтрак всегда было свежее парное молоко.

— Бабушка, не хочу я пить эту гадость! У нее пенка противная. — капризным голосом начинал канючить я, безгласно отодвигая кружку от себя.

— Ты ж погляди, каков недотрога. Пенка ему не по нраву. Ишь, аристократ! Пей. Здоровым и крепким вырастешь. — видя мое недоверчивое выражение лица, бабушка вздыхала, по-доброму улыбаясь и хмуря брови. — То сила, голубчик. Зорька то наша, здоровая да ладная корова. Вот и передает силу тебе. А сила та из самой земли идет. А ты сидишь и пить не хочешь. — бабушка умела говорить так, что я начинал чувствовать себя виноватым. Поэтому я залпом выпивал белую жидкость, чуть морщась и отдаленно слыша тихий смех бабушки.

С ней всегда было интересно. Бабушка рассказывала сказки и невиданные истории, от которых перехватывало дыхание и воображение рисовало чудесные картины.

Я всегда думал, что моя бабушка — эталон русской женщины. Которая и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдет. Чем старше я становился, тем лучше осознавал, что именно я и видел настоящую бабушку: старенькую, очень хрупкую, с безмерно мягкими и ласковыми руками, покрытыми морщинами, с добрым и заботливыми глазами, в которых сохранился задорный огонек. Она утратила то очарование молодости, которое было у всех молодых девиц в деревне. Но именно этот человек восхищал меня, и восхищает до сих пор.

Однажды, в тот редкий день, когда бабушка оставалась дома, неторопливо расшивая очередную скатерть или заготавливая овощи и варенья на зиму, меня охватило любопытство. Сказать честно, любопытство охватывало меня часто, и всегда я бежал к бабушке, будь она поблизости, чтобы спросить то, что так интересовало меня.

— Бабушка! Милая! — тогда мне было присуще нетерпение и искренний детский восторг.

И бабушка никогда не рушила мой детский глупый лепет.

— Да, голубчик. — она, казалось, была где-то далеко-далеко, хоть и сидела в кресле напротив. Это всегда происходило, когда в ее руки попадали спицы или иголка с ниткой. Отвлечь ее от этого кропотливого и увлекательного занятия было очень сложно, но я никогда не сдавался.

— Бабушка! Ну же, посмотри на меня. — в такие моменты я нервно теребил ее за рукав или

подол юбки, стараясь добиться внимания к своей маленькой, но очень требовательной персоне.

— Милая, вот же я, тут, пред тобою. Взгляни!

— Что такое, воробушек мой? Поди, что случилось? Аль кто обидел? — Даже цвет глаз потемнел, словно, она уже ожидала что-то плохое.

— Нет. Что ты. Кто меня обидеть осмелится? Я ж самый сильный! — я горделиво приподнимал подбородок, выставляя грудь колесом. Бабушка же, поняв, что ничего не произошло, ласково трепала меня по светловолосой макушке.

— Что ж пугаешь? Чего ты так всполошился, Феденька?

— Откуда, бабушка, у нас картинка на стене появилась? Та, что в горнице у тебя висит. Маленькая, с речкой и уточкой. — спрашивал я, картинно расписывал руками в воздухе, какой размер имеет картинка.

— Картинка? Какое тебе дело? Висит себе и висит. Никого не трогает. — странно вздрогнув, бурчала бабушка, старательно отводя взгляд на ткань в руках.

— Нет, так не пойдет! Расскажи, бабушка, расскажи мне, родимая! — мой голос переходил на мольбы, страстно взирал я на ее морщинистое лицо, обрамленное ярким светлым платком, расписанным чудными цветами.

— Отстань от меня, Федя! Отдохнуть не дашь. Поди, вот, к деду, его и расспрашивай. А мне некогда. Занята я, видишь? — я лишь печально вздыхал, измученно опуская руки и по-никая.

От деда ничего не выпросишь, ведь он всегда молчит, словно спит.

Выйдя во двор и обведя его взглядом, я недовольно топнул ногой. Мой дедушка, Тихон Никитич, был человеком, по сути, спокойным и нелюдимым. Тогда я считал его скучным. Кому мог понравиться человек, из которого и слова-то не вытянешь? Дедушка почти никогда не был дома, всегда где-то блуждая, как-будто не находя места. Часто бабушка бегала по деревне, расспрашивая всех знакомых и зовя деда на все лады.

На всякий случай я заглянул в сарай и курятник, по дороге пнув одну из куриц, отчего так громко раскудаhtалась и убежала. Усмехнувшись такой глупости, я решил спросить соседей, не видели ли они деда утром. Выйдя за ограду, я напрямик пошел к дому напротив.

— Теть Сань, а вы деда не видели? — переверсившись через забор, спросил я у нашей соседки очень, смешливой и доброй женщины.

— Ах, это ты Федя. — она распрямилась над грядкой, чтобы получше разглядеть меня. — Тихона Никитича? Нет, не видала.

— Да? Ну, спасибо. — видимо мой замученный тон подействовал на ее память, как она тут же окликнула меня обратно.

-Федька! Обожди! Вспомнила я, сегодня дед Тихон на реку пошел, еще утром видела, как он в ту сторону направлялся.

— Спасибо, тетя Сань! Подсобили-то как! — я радостно улыбнулся ей, перед тем, как галопом

побежать на реку. Мне на ум сразу пришло одно место, которое по секрету показал мне дедушка, еще в начале лета.

Он сидел там, затаившись среди высокой и густой травы, которая разрослась вдоль берега. Песчаный бережок под уклоном уходил в темную воду. Одна удочка выдавала его. Дед словно окаменел: все его тело расслабленно замерло, только резкое моргание ресниц, подтверждало, что он еще жив.

Он был похож на сказочного лешего: его изношенная рубашка, которую он надевал в лес, уже давно утратила светлый цвет, сливаясь окружающей зеленью, смуглая сморщенная кожа, загорелая от летнего солнца, резко отличалась от седых волос, что воздушным облаком лежали на плечах, густые брови, тоже седые, были как будто продолжением волос, в длинной светлой бороде застрял листочек осины. Руки деда напряженно держали деревянную удочку, которая, как струна, натянулась над водной гладью.

— Деда.. — шепотом позвал я его, не решаясь потревожить его состояние. Правда, он совсем не услышал меня, что немного разозлило мою маленькую, но гордую личность.

— Дедушка! — уже звонким, чуть раздраженным, голосом позвал я.

Дедушка нервно вздрогнул, поворачивая голову ко мне.

Я, наверное, никогда не смогу забыть его взгляд, в тот момент, когда он посмотрел на

меня. Его голубые глаза, ясность которых могла посоревноваться с июньским небом, невидяще глядели на мое лицо, не понимая, кто я и зачем. В тот миг я почувствовал ту робость, испуг и неловкость, которую испытывал дед при людях. Ведь по-другому он не мог.

— Федя.. Чего ты здесь делаешь? — осипшим голосом поинтересовался дед, еще не полностью приходя в себя.

— Тебя ищу. — как само собой разумеющееся, пробурчал я, садясь на траву рядом со стариком.

— А-а.. — неопределенно ответил мне дедушка, переводя взгляд на поплавок.

Мы еще долго молчали, сидя на берегу тихой реки и рассматривая одинокий поплавок. Наверное, именно тогда я впервые почувствовал единение с дедушкой. Мне было так хорошо молчать с ним. Именно молчать, давая своим мыслям свободу действий. Ведь дедушка не мешал пустой болтовней, тем самым раздражая. Он просто сидел рядом, как-то по-своему поддерживая и помогая.

Вдруг поплавок задергался, а дед, словно он того и ждал, резко подсек, вытаскивая на леске крупного карася.

— Ух ты, деда! Ты ж погляди, какой красавец! Бабушка уху сделает, одной порцией не наешься. — я уже мечтательно представил наш обед, как дедушка отцепил карася от крючка, держа трепыхающуюся рыбу в руке, и одним махом выкинул его назад в реку.

— Ты что творишь?! Куда ж ты его кинул?! Ох, деда — деда, зачем же ты так? — возмущенный до крайности, я укоризненно посмотрел в его невинные глаза, чувствуя себя бабушкой, когда та отчитывала меня за разбитый кувшин.

— Так, Федя, она ж живая. — робко ответил дедушка, опуская лицо вниз к траве.

— Живая. Ты ж поди, какой умный! Ну и что с того, что живая? Вот, что теперь бабушка на обед и ужин приготовит? — еще пуще разозлился я на деда, который смиренно меня выслушивал.

— Тоже мне, философ. Рыба-то для еды придумана.

Он мне не ответил, а я, обидевшись, отвернулся от деда, рассматривая другой берег. Не знаю точно, сколько времени прошло, перед тем, как дед двинулся и положил руку мне на плечо.

— Ты ж пойми, Федя. Она живая, как и я. Как и ты живая. Все здесь живое. И рыба, и трава на берегу, и утки, что только пролетели мимо. Жизнь — она везде и во всем. Как же я могу, тогда, ее жизни лишать? Нет мне права такого. Не могу я это сделать, Федька. — его хриплый голос эхом раскатился мне в душе. — Это ведь нечестно, слабого жизни лишать. А рыбу бабушка и в магазине купит. Та рыба, магазинная, специально разведена, для еды, как ты и сказал. А на меня не злись. Ведь это правильно, Федя. — когда я обернулся и посмотрел на него, то смог заполнить улыбку деда: чуть смущенную, но искреннюю, исходящую от сердца.

— Ладно, деда. Пойдем домой, чай с баранками пить. Баба варенье сделала, из вишни. — я робко кивнул, вставая с травы и протягивая руку дедушке. Он хватился за нее и ловко поднялся на ноги, но руки не отпустил. Лишь удочку на плечо закинул. Так и пришли мы домой, взявшись за руки. Это и стало началом дружбы с дедом.

Евгений Лукин

Алые паруса любви

«Алые паруса» — лучшая романтическая повесть Александра Грина. Она увидела свет в 1923 году, и с тех пор звучат о ней восторженные отзывы. «Если бы Грин умер, оставив нам только одну свою поэму в прозе „Алые паруса“, — отмечал Константин Паустовский, — то и этого было бы довольно, чтобы поставить его в ряды замечательных писателей».

Александр Степанович Грин (1880–1932) мечтал снять художественный фильм и даже попытался набросать киносценарий «Алых парусов», однако его замысел так и остался нереализованным. Лишь в 1961 году режиссер Александр Птушко осуществил экранизацию феерии, где в роли Ассоль дебютировала юная актриса Анастасия Вертинская. Фильм имел успех, хотя его и критиковали за прямолинейность режиссерских ходов и сентиментальность. Со временем он был причислен к классике советского кино, и в этой ипостаси благополучно пребывает и поныне. Никто толком не подвергал его критической переоценке.

Между тем внимательное изучение киносценария дает серьезные основания сделать вывод:

сценаристы добавили в романтическое повествование два эпизода, которые не только исказили главную идею произведения, но и навязали ему антигуманные установки, коренным образом противоречащие духовной сути подлинника.

Речь идет о двух сценах. Первая происходит в трактире, куда заходит главный герой капитан Грей (его играет Василий Лановой) в сопровождении своего помощника Атвуда. Моряков встречает трактирщик Сандро. Между ними завязывается разговор:

«Сандро: Вот уже второй день, как Зурбаган, вроде, на осадном положении.

Грей: На осадном положении? А по какому поводу?

Сандро: Позавчера днем у здания городского суда двое смельчаков — студент и лекарь — отбили у конвоя карету с арестованными террористами, покушавшимися на жизнь самого губернатора.

Атвуд: Клянусь всеми ветрами, вот это молодцы! Вот это люди!

Сандро: Недаром губернатор обещает тому, кто укажет, где они скрываются, уплатить две тысячи золотых.

Грей: Я вижу, ваш губернатор — щедрый человек.

Сандро: Вряд ли в Зурбагане найдется человек, который польстится на эти грязные деньги. Вот поэтому полиция и шарит по дворам».

Во время разговора слышатся выстрелы, и в трактире неожиданно появляются две подозрительных личности в черных плащах и шляпах.

Оказывается, они хорошо известны трактирщику, который тут же уводит их за барную стойку, открывая потайную дверь. Спустя мгновение в трактир вбегает капрал и требует от хозяина выдачи террористов. Завязывается драка. Капитан Грей швыряет в полицейского табуретку, сбивая того с ног, и скрывается следом за преступниками через потайную дверь.

Следующая сцена происходит на корабле. Капитан Грей записывает в судовой журнал: «Встреча в Зурбагане с двумя повстанцами совершенно случайно привела меня в порт Лисс». Судно швартуется в порту. Капитан высаживает террористов, которых тайно вывез из Зурбагана, и на прощание говорит: «Ну, друзья, вот вы и дома. Желаю вам удачи в ваших благородных намерениях». Спасенные преступники сердечно благодарят капитана.

Следует еще раз подчеркнуть, что этих сцен в романтической повести Александра Грина нет. Но для создателей фильма они, видимо, были крайне важны, поскольку позволяли произвести трансформацию чисто романтического героя в социально активную личность. По сути, капитан Грей волею сценаристов становился не только пособником террористов, но и их единомышленником, ибо определял террористический умысел как «благородное намерение».

Чтобы зрители случайно не прониклись жалостью к абстрактному губернатору, на жизнь которого покушаются по непонятной причине, рыцарские образы капитана Грея и террористов

в черных плащах оттеняет гротескная фигура другого представителя власти — капрала, которого играет комедийный актер Евгений Моргунов. Правда, каких-либо оригинальных красок в свою игру он не внес, фактически воспроизведя стандартный советский образ глупой полицейской ищейки царских времен.

Введя два эпизода в повествование, сценаристы существенно исказили основной замысел поэмы Александра Грина. Судя по всему, они считали, что таким образом «расширили» потенциал реализации мечты, которую можно собственноручно построить как в личном плане, так и в общественном. Логика социальной мысли была проста и вульгарна: почему бы мечтательной девушке Ассоль дожидаться не только алых парусов своей любви, но и алых парусов всеобщего счастья — коммунизма? Капитан Грей, этакий революционный волшебник, готов, должно быть, соорудить и то, и другое. Что нужно для построения всеобщего счастья? Всего лишь убить губернатора.

Идея убийства некоего властного лица, олицетворяющего собой зло, которое стоит на пути светлого будущего, в начале минувшего века превратилась для российской прогрессивной общественности в навязчивую. Эту всеохватывающую социальную маниакальность, к примеру, красочно описал Леонид Андреев в рассказе «Губернатор», где убийство действующего градоначальника обсуждалось общественностью как фатальная неизбежность, сходная с солнечным затмением, а о нем самом, еще живом, просто за-

бывали, как о мертвом. Поводом для написания рассказа стал террористический акт против московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича: его осуществил зимой 1905 года Иван Каляев — член Боевой организации партии социалистов-революционеров.

Между тем общеизвестно, что в 1902 году рядовой Александр Грин, дезертировав из армии, вступил в партию социалистов-революционеров и был определен руководством Боевой организации в террористы-смертники. Находясь на нелегальном положении, он несколько месяцев проходил так называемый карантин, духовно готовясь к свершению убийства. Именно этот факт из экзотической биографии писателя, судя по всему, и дал основание сценаристам включить в фильм два упомянутых эпизода.

Однако в этой истории есть один нюанс, который целиком меняет картину. В рассказе «Карантин», написанном Александром Грином по горячим следам, главный герой, проходящий подготовку к террористическому акту, неожиданно отказывается от выполнения задания Боевой организации и говорит приехавшему наставнику: «Быть героем я не могу, а винтиком в машине — не желаю». Очевидно, что прообразом главного героя был сам писатель, а его революционным наставником — видный эсер Наум Яковлевич Быховский (1874–1938). Впоследствии этот решительный отказ стать убийцей Александр Грин оценит как поворотный в судьбе, а Наума Быховского назовет своим «крестным отцом» в литературе.

О том, что писатель «отошел от партийных дел», знала и его любимая девушка — фанатичный член Боевой организации эсеров Екатерина Александровна Бибергаль (1879–1959), которая тем самым объяснила окончательный разрыв с ним в 1905 году. Три года спустя выйдет первая книга Александра Грина «Шапка-невидимка», где его соратники по партии эсеров будут лишены романтического ореола и предстанут в весьма неприглядном виде.

А к 1918 году, когда писалась феерия «Алые паруса», у писателя уже не было никаких социалистических иллюзий, и к террору он относился резко отрицательно. Об этом вспоминает и его тогдашний товарищ — литератор Николай Константинович Вержбицкий (1889–1973), который однажды написал для большевистской газеты передовицу о необходимости революционного насилия. «Ты одобряешь матросов, которые привязывают камни к ногам офицеров и бросают их на съедение рыбам?» — прочитав передовицу, спросил Александр Грин и посоветовал Вержбицкому не разжигать ненависть.

Таким образом, добавление двух эпизодов в киносценарий «Алых парусов», хотя и соотносилось в некоторой степени с биографической правдой, но никак не соответствовало ни сюжетной канве, ни духу произведения. Видимо, сценаристов подвигали на это какие-то другие причины. Для Алексея Петровича Нагорного (1922–1984) и Александра Яковлевича Юровского (1921–2003) фильм «Алые паруса» был первым в их богатой фильмографии.

Алексей Нагорный — сын терского казака, царского офицера, активного участника Белого движения, убитого в 1922 году. Примечательная деталь: отец Алексея с 1913 по 1915 год служил личным охранником царской семьи, которую три года спустя расстрелял чекист Яков Михайлович Юровский (1878–1938). Сам Алексей, окончив Военный институт иностранных языков — кузницу кадров советских спецслужб, занимался организацией специальных операций за рубежом, а в 1957 году был назначен начальником штаба I Московского Международного кинофестиваля, где познакомился со многими деятелями из мира кино и решил переменить профессию.

В отличие от своего коллеги, Александр Юровский был профессиональным сценаристом — выпускником Всесоюзного института кинематографии, имевшим солидный стаж руководителя киноредакции Центрального телевидения. Не исключено, что их сблизила не только совместная работа в рамках Московского кинофестиваля, но и общие воспоминания о Великой Отечественной войне — оба храбро сражались на фронте. Но главное — оба сценариста были убежденными коммунистами и государственниками, о чем свидетельствуют их последующие сценарии: Алексей Нагорный стал автором милицейского эпоса «Рожденная революцией», а Александр Юровский — чекистского сериала «Операция Трест».

К сказанному следует добавить, что поддержка так называемого народно-освободитель-

ного движения за рубежом, практиковавшего террористические методы борьбы, была в те годы официальной позицией и коммунистической партии, и Советского государства. Поэтому появление в киносценарии двух упомянутых эпизодов диктовалось стремлением сценаристов соответствовать текущей политической конъюнктуре.

А как сам Александр Грин относился к идее государственности? Ведь он, проведший несколько лет в царской тюрьме и ссылке, вряд ли симпатизировал власти как таковой? В феерии «Алые паруса» есть ответ и на этот вопрос.

В конце повести рассказывается о событии, которое произошло во время следования алого парусника к городку, где жила Ассоль. Неожиданно на горизонте возник военный крейсер, подавший сигнал «лечь в дрейф!» На борт алого парусника поднялся лейтенант и целый час беседовал с капитаном Грэм, а потом, потрясенный историей любви, вернулся на крейсер и дал команду к салюту. «Весь день на крейсере царил некое полупраздничное остоленение, — заключал Александр Грин, — настроение было неслужебное, сбитое — под знаком любви». Мысль писателя состояла в том, что любовь есть всепобеждающая сила, способная очеловечить и такую стальную государственную машину, как военный крейсер.

Содержание

Роман Всеволодов. Юность — время открытий. <i>Предисловие</i>	4
Полина Шебшаевич. Юность — слово давнее «Яркой солнечной паутиной...» <i>Стихи</i>	6
Анастасия Дегтярева. На краю моря. <i>Рассказ</i>	9
Дарья Слободенюк. «Я выпал из детства...» <i>Стихи</i>	12
Анастасия Гуляева. Саша. А, Лилу и я. <i>Рассказы</i>	13
Ольга Коромысличенко. «сНежное». <i>Стихи</i>	33
Елизавета Кнохинова. Бесчувственность. <i>Рассказ</i>	34
Анна Семенова. «Есть нечто волшебное ночью...». <i>Стихи</i>	39
Александра Косоротикова. Желто-красно-зеленое Бабочки с синими крыльями. <i>Рассказы</i>	43
Миша Эйлерт. «Рыжая проседь в листьях осени...» <i>Верлибры</i>	49

Светлана Ревва. Сумки прочь. <i>Рассказ</i>	51
Лея Костинская. Желтые стихи. <i>Цикл о Данае</i>	54
Виолетта Ильичева. Птенец. <i>Рассказ</i>	59
Полина Еремина. Город. <i>Стихи</i>	68
Алевтина Зубкова. Дыхание. <i>Рассказ</i>	69
Сергей Дегоев. Выше! <i>Стихи</i>	75
Варвара Тюрина. Обратно в ту весну. <i>Рассказ</i>	76
Мария Матушевская. Лису. Маме. <i>Рассказы</i>	79
Фелиса Замирова. Я и Кот. Бегущая к звездам Мечта. <i>Рассказы</i>	83
Янина Дроздова. «Сквозь двойные оконные рамы...». <i>Стихи</i>	88
Весна Третьякова. Счастливого ребячество. <i>Стихи</i>	89
Анна Волкова. Детство. <i>Рассказ</i>	93
Евгений Лукин. Алые паруса любви. <i>Эссе</i>	102

АЛЫЙ ПАРУС

Стихи и проза учащихся
литературного клуба «Дерзание»

Составитель Р. Всеволодов
Оригинал-макет, дизайн обложки П. Домбровский
Корректор Т. Брылёва
Выпускающий редактор О. Ершова

Книги: от рукописи до тиража
ИЗГОТОВЛЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Издательско-Торговый Дом «Скифия»
190003, Санкт-Петербург, 9-я Красноармейская ул., 3/7
(812) 575-25-66
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.skifiabook.ru

Возрастная категория 6+
Формат 60×90 ¹/₁₆. Объем 7 усл.-печ. л.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.